

Изда-Читальна

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреаты конкурса
«Пятая стихия»
Международной
литературной премии
имени Игоря Царёва
(2018 год)

СБОРНИК СТИХОВ
лауреатов
Пятого поэтического конкурса
«Пятая стихия»
Международной литературной премии
имени Игоря Царёва
(сезон 2018 г.)

2019 год

Эта книга – пятая из серии поэтических сборников, в которую вошли произведения авторов, отмеченных Конкурсной комиссией Международной литературной премии имени Игоря Царёва. Она – по итогам конкурса 2018 года.

У тех, кто уже знаком с предыдущими четырьмя сборниками стихов «Пятая стихия» (по итогам 2014, 2015, 2016 и 2017 г.г.), не должны вызвать удивление повторяющиеся в каждом томе тексты «Аннотации», «Предисловия» и «Вместо вступления». В них вносятся лишь небольшие дополнения соответственно каждому периоду времени. Оставляя эти разделы практически неизменными, мы исходим из того, что есть и те, кто прочтет их впервые...

АННОТАЦИЯ

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненадобностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», – писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычленивать из общей массы достойные поэтические произведения. Возникший в поэзии вакуум заполняется именами из прошлого века или именами с голубого экрана, и читатель порой даже не подозревает, что в просторах виртуального пространства родились и творят новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведший в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споёмте, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С.Грибоедова, медалью Н.С.Гумилева, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И.Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

4 апреля 2019 года в день шестой годовщины со дня ухода Поэта из жизни Международная Академия русской словесности посмертно удостоила Игоря Царёва званием «Народный поэт России».

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году – сборник стихов «Любя и веря вопреки...», в 2018 году – сборник стихов «Дети Империи». Его стихи вошли в знаковые поэтические альманахи лучших произведений наших современников.

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности 11 ноября 2013 года была учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могила – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ, председатель Правления Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безружье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация – Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

По итогам каждого поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва издается (в печатном или электронном виде – в зависимости от наличия финансирования) сборник стихов лауреатов «Пятая стихия», презентация которого проходит ровно через год после завершения конкурса.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013-2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальным аккордом конкурса стал выход в свет в 2015 году сборника стихов лауреатов Первого поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия».

Второй сборник стихов лауреатов конкурса серии «Пятая стихия» был выпущен в 2016 году по итогам Второго поэтического конкурса имени Игоря Царёва (2015 г.)

Презентация третьего сборника произведений лауреатов «Пятой стихии-2016» прошла 11 ноября 2017 года на Торжественной Церемонии вручения наград Премии сезона 2016 года.

Четвертый сборник стихов лауреатов «Пятой стихии-2017» был по традиции презентован в день рождения поэта 11 ноября 2018 года на Торжественной церемонии вручения наград лауреатам Премии имени Игоря Царёва.

Презентация пятого сборника – по итогам поэтического конкурса 2018 года – планируется на 11 ноября 2019 года. В нем собраны подборки стихов авторов, представивших на конкурс произведения, отмеченные итогами «Пятой стихии-2018», а также итогами поэтического конкурса детских стихов «Царевнам и царевичам-2017» и поэтического турнира имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2017».

Сборники выпускаются совместными усилиями Ирины Царёвой –жены поэта, члена СПР, Заслуженного писателя России, академика Академии российской словесности, учредителя Международной литературной премии им. Игоря Царёва, формирующей материал для публикации, и МОО «Изба-Читальня», принявшей на себя труд по их изданию.

«Имба-Читальня» на сегодня является одним из популярных русскоязычных литературных сайтов. Его фундаментальная основа – творчество как российских поэтов, так и поэтов других стран, понимающих и принимающих русский язык как родной. Интернет-портал «Имба-Читальня» функционирует в тесном сотрудничестве с региональными писательскими организациями России и различными творческими союзами, предоставляя им возможность заявить о своей деятельности и успехах через сайт, обладающий многотысячной аудиторией читателей.

*Валерий Белов, главный редактор «Имбы-Читальни»,
член СПР, действительный член Международной
академии русской словесности.*

Назло печали зимней

Уже не течь небесной силе
По синим жилам горловым
Безумцев, что судьбе дерзили,
Но не сносили головы...
Каким неосторожным танцем
Мы рассердили небеса?
Когда чахоточным багрянцем
Еще горел Нескучный сад,
Когда на паперти осенней
Вовсю гремели торжества,
И только тени опасений
Кружила падшая листва,
По звездам, по венозной гжели,
По выражению лица,
Ах, ворожеи, неужели
Вы не предвидели конца?
Снегами копится усталость
В тени оконного креста...
И что же нам еще осталось –
Начать все с белого листа,
И греться в нежности взаимной,
И друг у друга есть с руки,
И жить – назло печали зимней,
Любя и веря вопреки...

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Пятый поэтический конкурс Премии стартовал 11 января 2018 года под девизом: «И жить – назло печали зимней, любя и веря вопреки» (из стихотворения Игоря Царёва «Назло печали зимней»).

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также для участия в номинации «Верность памяти» – критики, филологи, литературоведы, переводчики и коллеги-поэты, изучающие творчество Игоря Царёва и пропагандирующие его.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения.

Для участия в номинации «Музыкальные произведения» были приглашены авторы песен на стихи Игоря Царёва, сумевшие понять и прочувствовать авторский текст, объединить стихи и музыку в единое целое.

Победитель сезона поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2018 года назван не был. Учредители в соответствии с правилами конкурса пришли к такому решению в связи с тем, что члены конкурсной комиссии так и не смогли определиться в этом вопросе. Но такой финал конкурса совсем не означает, что не нашлось достойной работы. Напротив, победителями были названы 6 из 11 финалистов – мнения членов жюри разошлись.

К участию в сборнике «Пятая стихия-2018» кроме финалистов конкурса решением оргкомитета также были приглашены авторы, боровшиеся за выход в финал, чьи стихи обратили на себя внимание конкурсной комиссии, и финалисты еще двух поэтических конкурсов, проводимых под знаменем имени Игоря Царёва – «ПТИЦА-2017» (Поэтический Турнир Имени Игоря Царёва) и «Царевнам и царевичам» (конкурс детской поэзии).

В этом году, как и в предыдущих сезонах, конкурс «Пятой стихии-2018» сопровождал известный литературный обозреватель – Владимир Гутковский (Киев, Украина). Владимир Гутковский – поэт, прозаик, критик, член Национального союза писателей Украины (НСПУ), лауреат премии Волошинского конкурса, премии НСПУ им Н.Ушакова, премии журнала «Радуга», литературный обозреватель портала Stihi.lv, автор работ по обозрению произведений современной поэзии. Его ремарки, написанные еще до того, как были подведены итоги поэтического конкурса «Пятая стихия-2018», сопровождают конкурсные стихотворения участников, а работы финалистов этого конкурса подверглись его более детальному анализу.

Сборник стихов «Пятая стихия-2018», без сомнения, заслуживает внимания читателя. Есть в нем имена, которым дано прославить русскую поэзию.

Оргкомитет конкурса

ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

Конкурсная комиссия отметила высокий уровень всех представленных в финале работ.

От председателя Конкурсной комиссии:

Очень трудно было определить место в рейтинговой таблице для каждого из финалистов. Если бы это был пьедестал почета, то три его ступени были бы заняты сразу несколькими из них. Но правила конкурса, в котором рейтинг финалистов необходим Учредителю для выбора Победителя из трех первых претендентов, требуют цифровой оценки работ. А с цифрами не поспоришь... Так что и нижние места считаю почетными.

Игорь Витюк

От члена Жюри:

«Приз симпатии» никому не присуждаю. Но совсем не потому, что стихотворение (и вообще, творчество) ни одного конкурсанта не произвело на меня достаточно яркого впечатления. Совсем наоборот. По крайней мере, больше половины финалистов и несколько участников, не вошедших, к моему сожалению, в финал, вызывают во мне чувство восхищения и симпатии, и выбрать единственного – значит устроить некую самолотерею, по принципу механического, случайного выбора. Именно поэтому в этот раз так...

Юрий Бердан

От литературного обозревателя:

Что касается общего уровня этого сезона, он был в высшей степени достойным,

Еще раз поздравляю всех – победителей, участников, читателей, судей, организаторов – с этим праздником поэзии! И надеюсь, что впереди нас ожидает еще много замечательных поэтических встреч!

Владимир Гутковский

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2018 года

Александр Попов (Гинзберг), г. Москва, Россия.

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»

Конкурсное произведение

От двух бортов

От двух бортов – да в середину
Вгонял шары свои недуг,
И жизнь рвалась, как паутина
Меж пальцев непослушных рук.

Ещё белел мой слабый парус,
От брызг не прятал я лица,
Но жизни меньше оставалось,
Чем оставалось до конца.

Свою судьбу готовясь встретить,
Я жил, не веря, что живу,
Но слово – легкое, как ветер,
Меня держало на плаву.

Я клин пытался выбить клином,
Я запретил себе покой;
Лишь слово – мягкое, как глина,
Тогда имелось под рукой.

Плыла трясина под ногами,
Но, пробираясь по воде,
На слово – твердое, как камень,
Я опирался в пустоте.

А мой недуг бок о бок, вровень
Со мною крался, полз, шагал.
Вот так же, чуя запах крови,
Подранка стережёт шакал!

Я знал, что он в борьбе искусен,
Он, власть почувствовав свою,
Железной хватки не отпустит
И не предложит мне «ничью»!

...В моих потерь реестр пространный
Он снова пункт отдельный внёс...
Но слова – грамоты охранной
Он опасается всерьёз!

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Текст, в котором тяготы личной судьбы не становятся поводом для уныния, а порождают мужественные и очень откровенные ощущения ее приятия и понимания. И преодоления!

Финальная оценка:

Нужно отдать должное жизненной стойкости автора, преодолевающего свой поэтически путь вопреки всем тяготам и недугам. И стихи для лирического героя становятся не просто необходимой опорой, а, пожалуй, что и главным стержнем его жизни. Свидетельств тому в тексте много:

«...слово – легкое, как ветер,
Меня держало на плаву».

«На слово – твердое, как камень,
Я опирался в пустоте».

*И это слово действительно становится для автора формой «грамоты охранной».
Правда, и в зачине стиха, и далее по тексту автор распоряжается своим поэтическим словом не всегда уверенно.
Но, наверное, учитывая все сопутствующие обстоятельства, ему стоит сделать скидку. И поблагодарить за участие в конкурсе и прекрасное стихотворение.*

Подборка стихотворений Александра Попова (Гинзберга)

* * *

Когда-нибудь –
Как ни грусти,
Как ни бунтуй,
Как ни юродствуй –
Один – оставшись – на один
С любовью, ревностью и злостью,
С привычкой, нежностью, теплом,
Со слепотой – "не дальше носа",
С надеждой – хрупкой, как стекло,
И болью – острой, как заноза,
Из нас двоих – один возьмёт
Всё это
В руки,
В душу,
В сердце...
И – не найдёт,
И – не поймёт,
Как совладать
С таким
Наследством.

Стихи положены на музыку

Стихи положены
На музыку,
Гвоздями-нотами
Прибиты;
Не книги ждут
Беспечных узников –
Пюпитры!

Стихи на музыку
Положены,
Прижаты к музыке
До хруста:
Лежат стихи
В красивом ложе
Прокруста.

Стихи положены
На музыку:
Избранники судьбы,
Счастливыцы!
Но кажутся
Нарядно-грустными
Их лица.

Стихи на музыку
Положены:
Им с нею жить –
Единой плотью!

...Им помнить больше
Не положено
Свои
Мелодии.

Вы вышли из Шинели Гоголя

Да-да: вы вышли из
"Шинели" Гоголя;
Вы – выжили,
Осилили,
Сумели?
Ну, что ж: ходите,
Опустивши голову,
Меж вышедших
Из сталинской
Шинели.

Да: Птица-Тройка
Сделалась тачанкою;
То мнутя кони,
То – несут без удержу.
Сменить коней?
Найди таких отчаянных!
А и найдутся –
Их не пустят
К упряжи.

Кто из какой шинели –
Вот задачка-то!
Дай бог,
Чтоб не верёвка –
Кони – в мыле!

И прячет
Под кровать топор
Башмачкин,
Ворча под нос:
"Имею право,
Или?.."

Эпическое

По ту сторону
Зари
Гнёзда вьют
Вороны,
И оттуда слышен
Крик
Их
Потусторонний.

У ворон
Что крик,
Что лик –
В толкотне и гаме;
Даже радуга при них –
В чёрно-серой
Гамме!

По утрам
Усталых птиц
Стайкой –
К "Гастроному" –
Жмутся лица,
А у лиц –
Вид
Потусторонний.

Купят,
Ровно разольют,
Крякнут без азарта...
И куда-то за зарю
Улетят
До завтра.

* * *

Word открой и набери
Слово наугад любое:
"Человек", "рассвет", "любовь"...

Слово – следом за собою –
Приведёт шеренгу слов:
Тихих, звонких, и колючих,
Разных "нет" и разных "да",
Слов, годящихся "на случай",
И – годящихся всегда;
Слов, ведущих в лабиринты,
В бурелом, где ногу чёрт
Сломит:
Слово набери ты –
И оно откроет счёт
Твой!
Рождённое тобою –
Поведёт тебя с собой;
Бросит в бой, спасёт из боя,
И – обратно бросит в бой.
"Нечет" приравняет к "чёту",
Назовёт себя "судьбой"...

Ну, а ты –
Плати по счёту
Слова,
Данного
Тобой.

Сельское

...Шло, время, а потом – прошло...
Томится в зарослях сирени
Теперь – подобие деревни,
А в прошлом – крепкое село.

С тех самых пор
Здесь всё – "потом",
"Когда-нибудь",
"Быть может",

"Вскоре"...
Лишь на расхристанном заборе
Спит кот – извечный понятой.

А за забором – озерцо
Под ивами в покое тихом;
И водомерки
Нервным тиком
морщинят тёмное
Лицо.

В саду заросшем нет пути;
В репьях, крапиве, пятнах солнца
Стоит замшелый сруб колодца
С орнаментами паутин.

...Но время вновь придёт сюда,
Страницы лет перелистает,
И всё местами переставит,
И всё развеет.
Без следа.

Самодеятельный салют

Трещало небо хрупко:
Взлёт, вспышка, недолёт...
Так лёд ломает шлюпка –
Неверный, первый лёд;
Так в деревянном доме
На чердаке – шаги,
Где под ногами стонут
И гнутся потолки.
Так...
Но салют, отгрохав,
На землю оседал,
И тишина оглохла –
Наверно, от себя.

А в пустоте звенящей
Шёл кто-то, теща спесь,
Всем звёздам доказавший,
Что он
На свете
Есть!

Александр Крупинин, г. Санкт-Петербург, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»

Конкурсное произведение

Скульская

Ты ходишь по городу с лыжными палками, Скульская.
Безумствует пух тополиный и в нос забивается,
Надежды, зимой заржавевшие, вроде сбываются,
И раннее лето уже наступило и буйствует.

Забудь эти палки. Снега безвозвратно растаяли,
А пух тополиный – не снег, это только пародия,
И птицы щебечут, они возвратились на родину.
Стрижи-интроверты и те собираются стаями.

Здесь туя не спит, замышляя свои шишковаягоды.
Они будут цвета небесного, нежно-пахучие.
А я по бульвару иду и надеюсь на лучшее.
Мне хочется верить, что снова окажемся рядом мы,

Что годы уймутся, что лысина вновь разлохматится,
Ты палки отбросишь, их летом таскать не положено,
И мы рассмеёмся, носы перепачкав мороженым,
И сладкий пломбир потечёт на зелёное платъице.

Победную песню пою, и бренчу на гитаре я,
Над миром свой флаг водружаю, подобно Кантарии.
Есть только любовь, а всё прочее лишь комментарии.

От литературного обозревателя

В обзоре второго тура это стихотворение было охарактеризовано так:

«Проникновенный и трогательный текст. И его персонаж (женского рода), и лирический герой стоически переносят все проявления односторонне направленного времени и продолжают надеяться на лучшее. На самое лучшее».

Финальная оценка:

С творчеством автора я знаком неплохо. Оно отличается настолько своеобразной и индивидуальной творческой манерой, что и охарактеризовать ее непросто. Я бы попробовал назвать этот стиль «романтическим гротеском».

«Ты ходишь по городу с лыжными палками, Скульская.
Безумствует пух тополиный и в нос забивается...».

Автор очень любит и многозначно говорящие фамилии. Причем использует этот сильный прием не в лоб и не впрямую, но всегда оставляя простор для воображения

читателя. Так для меня именование героини «Скульская» звучит нестандартно, остро и прямо. И вычитывается из него многое: и характер, и судьба. А еще этот текст пронизан всепроникающим лиризмом.

«Забуди эти палки. Снега безвозвратно растаяли,
А пух тополиный – не снег, это только пародия...».

Склонен автор и к изящному словотворчеству:

«Здесь туя не спит, замышляя свои шишкоягоды».

При этом оптимизм душевно здорового человека не оставляет лирического героя ни при каких обстоятельствах:

«Мне хочется верить, что снова окажемся рядом мы,
Что годы уймутся, что лысина вновь разлохматится,
Ты палки отбросишь, их летом таскать не положено...».

И фирменный – озорной и проникновенный финал:

«Свой флаг водружаю над миром, подобно Кантарии.
Есть только любовь, а всё прочее лишь комментарии».

С самого начала списка весомая заявка на высокое место в конкурсе.

Подборка стихотворений Александра Крупинина

Агаша

Пахло болью и скукой,
Пахло жареным луком,
Пахло нашей разлукой
И холодной войной.
День был глуп и беспечен.
Ты вернулась под вечер
И всадила мне в печень
Амфибрахий стальной.

Ты рисуешь, как Джотто,
Ты играешь на кото,
Даже в Лондоне кто-то
Восхищался тобой.
Твой анапест искрится,
Амфибрахий, как спица,
И вот-вот завершится
Наш бессмысленный бой.

Мух в зелёном жилете
Восседал на котлете,
Чьи-то плакали дети

За фанерной стеной.
Стыла пшённая каша.
Было больно и страшно.
Ты смеялась, Агаша,
Как всегда, надо мной

Антощук с дядей Валею
По квартире сновали.
Эти люди едва ли
Нам желали добра.
Из-за кровопотери
Я был слаб и растерян,
И потухло над дверью
Наше старое бра.

Сделав чёрное дело,
Ты пирожное съела
И, ругнувшись умело,
Забралась на кровать.
Я сказал, тихо плача:
"Ты селёдка и кляча!"
И, от боли корячась,
В ночь уполз умирать.

Барокко

Зима – замоскворецкая сорока.
Холодные объятия барокко.

Храпя чуть слышно, засыпала Нина.
За тонким тюлем завывали вьюги.
Поэт Козлов на дряхлом пианино
Играл математические фуги.

Поэт был слаб, изрядно лыс и тучен.
Противно липла потная рубашка,
Но всё же пальцы с ловкостью паучьей
Сновали шустро по велению Баха.

Чудесные мотивы снились Нине,
Когда метели с фугами сливались.
Красивый длинноносый Паганини
Садился рядом с ней на сеновале.

Как пятый чёрт, орудовал смычком он
И фуги заглушал своим каприсом.
Казалось, страстной музыкой влекомый,
Весь мир смеётся над Козловым лысым.

Козлов грустил, а фуги не спасали,
В них не осталось никакого прока.

Шептал он: "Я забыт в Журнальном зале,
Я устарел давно, как Сумароков".

Ещё шептал он: "Запрещаю Нинке
Ночами шляться по Большой Ордынке".

Петербург – город чёрной козы

Тускло светятся жёлтые козьи глаза,
Бьётся пойманной птицей в силке железа.
Где река распластала нечистый язык,
Тихо спит Петербург – город чёрной козы.
Там течёт из тюрьмы безымянный ручей,
Ловит отблеск кровавых её кирпичей
И, поймав, эти блики приносит реке –
Сумасшедшей графине в седом парике.

Жёлтый свет светофоров ночных в пустоте.
Ходят люди не те, постоянно не те.
Из дворов наблюдает за ними коза.
Чёрный нос у неё и чужие глаза.

Петербург – город жёлтых сигналов во тьме,
Петербург – город красной тюрьмы на холме,
Где мещане бесшумны, слепы и немые,
Где проходит вся жизнь под покровом тюрьмы,
И безропотны мы, как мудрец Лао-цзы,
Как асфальт под копытами чёрной козы,
Где в руке, будто льдинка, осколок стекла,
А надежду графиня-река унесла.

Читал Бодлера

Материализовывались самые странные предчувствия и страхи,
когда появлялся трехпалый человек-амфибрахий,
рыжий человек-амфибрахий,
появлялся неожиданно из-под крыши сарая,
позабытыми словами, как табакеркой, играя,
в каждой строчке рождаясь, радуясь и умирая.

Шум, шум, шум.
Шум площадей и городских виадуков,
разрывающий рабство и присыпанную золотом скуку
требованиями мира без аннексий и контрибуций,
жаждой новых откровений, смыслов и революций.

Человек-амфибрахий и скандальный мужик-черновик
непривычных созвучий раскручивали маховик,
разбрасывали слова, к которым никто не привык.
Человек-амфибрахий, отвратительный, как драный кот Вебинар,

Уводил в катакомбы смыслов, снов и коммунальных свар,
долговязый, как улица Вожирар.

Слова рождались, надувались, а смысл сгорал,
и тогда амфибрахий эти слова пожирал,
белый как пожилой адмирал,
злобный, как защищающая черноморскую акулу катран
экологическая общественность разных стран.

Сновали туда-сюда лишённые мозгов пионеры,
и только добрая нянечка тётя Вера
предполагала, что это я на подоконнике читал Бодлера.

Война закончилась

На берегах реки Лис сидели мы и хохотали,
сквернословили, объедались бёф бургиньоном.
Война закончилась, и кто-то лысый в Италии
прокричал об этом со своего балкона.

Было весело. Некоторые сидели без головы,
многие были одноруки, обожжены, контужены.
На животе Айзека Розенберга расходились швы,
но всё-таки он был жив и тихо мечтал об ужине.

Как же здорово, братцы, когда заканчивается война.
Это самый торжественный день, честное слово.
Жаль, конечно, что проливается слишком много вина,
в горло трудно его заливать безголовым.

По реке Лис проходили тем временем парусные суда,
на кораблях ежеминутно кого-то вздёргивали на реи,
ошалевшие от запаха чайки носились туда-сюда,
свинговали перекрашенные в негров евреи.

Генерал из леса, как будто из-за кулис,
вычислял способных пройти по полям в Париже,
и вино Шамбертен ручьями стекало в реку Лис,
похожее на кровь, только немного жиже.

Ем свиную рульку на асфальте у церкви Сен-Медар

Каштан роняет рассеянно первый осенний лист.
Девчонку сажает бережно за спину мотоциклист.
Слышать шаги у церкви дьякона Франсуа,
Есть картошку и рульку и не сойти с ума.
На разогретом асфальте твой нехитрый обед.
Старая церковь сзади, времени больше нет.
Время долго кипело и превращается в пар.
Вечность – это свиная рулька на улице Муффтар.

Пальцы святого Медара – чуть заметная тень.
Вечность – последний подарок в этот последний день.
Лёгкое облако времени, тихо шумит фонтан.
Пьёшь лимонад апельсиновый и от свободы пьян.
Звонкие туфли хозяек, добрые лица собак.
Вместе с картошкой хрусткой вечность в твоих зубах
В небо каштан уносит слёзы Вечной Жены.
Губы жирны от вечности, пальцы твои жирны.

Ёж Соломон

Годы ежа Соломона прошли незаметно и тихо.
Вот уже старость приблизилась, стали седыми иголки.
Праведным сном под березой навечно заснула ежиха,
Дочки разъехались – так голоса в его норке умолкли.

Ёж Соломон был колюч, сероват, прозаичен, небросок.
Но говорили соседи: "Он смотрит на небо всё чаще.
Вместо того, чтобы бегать, как мы, по житейским вопросам,
Смотрит на птиц, в направлении финской границы летящих".

Мало кто знает про гибель ежа под колёсами MANa.
Несколько метров дойти не успел он до финской границы.
Как он бежал много дней, как стремился на Север туманный,
Как он счастливым мечтал умереть, словно вольная птица!

Люди, деревья, собаки, коровы голштинской породы –
В землю безропотно сходят они, чтобы стать перегноем.
Сколько на свете их, жаждущих, алчущих тайной свободы,
Только, увы, добежать, доползти до неё не дано им.

В солнечных тёплых лучах растворяется клин остроносый.
Что легкокрылым заборы колючие, что им кордоны?
Были и тут же растаяли в северном небе белёсом.
Только Господь прозревает их путь в океане бездонном.

Любовь Левитина, г. Ашкелон, Израиль

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

Тревожное

– Время повисло на стрелках часов,
страхи ползут из притихших лесов.
Двери и окна запри на засов,
мой любимый.
Вдаль не смотри, отойди от окна,

может осколком поранить луна.
Чуешь, как мелко дрожат тишина
и губы.
Видишь, как низко висят у воды
острые звёзды из тонкой слюды,
знаешь, кровавые в небе следы
остались.
Не поднимай к ним, любимый, лица,
стоны от неба слышны без конца.
Это приметы войны и свинца,
и стали.

– Полно, от ветра дрожит тишина,
прочно приклеена к небу луна,
нас не достанет, не тронет война,
я знаю.
Дом устоит против злобы и лжи.
Только от ветра стекло дребезжит.
Чай вскипяти и детей уложи,
родная.
Август уходит, печальный добряк.
Воздух не кровью – закатом набряк.
Вышили звёзды платок сентября
всего лишь.
Сонной травой зарастает быльё,
осень стучится, мы примем её.
Что же ты зябкое сердце своё
неволишь?
С летом прощается ветер в лесу,
листья, не пули, держа на весу,
стонет, жалея их цвет и красу.
Их много!
Сложит к порогу ковром поутру,
хочешь – красивый букет соберу,
осень впусти. И со стёкол сотру
тревогу.

От литературного обозревателя

Краткое предварительное резюме:

Что поделаешь, если окружающий апокалипсис настойчиво стучится в самое мирное жилище. Заслонит ли от него домашнее тепло и верная любовь? Не будем думать о самом худшем. Будем надеяться и верить. А что остается....

Финальная оценка:

Перечитал и проникся, прочувствовал эту атмосферу тревоги и любви. Текст показался очень гармоничным и проникновенным.

Даже не хочется дробить его на фрагменты. Каждая строчка наполнена и пронизана глубоким поэтическим осознанием сущего и столь же поэтичным его воплощением.

И как тут удержаться! Не воспроизвести почти весь текст, этот дуэт на два голоса: женский и мужской. С самого начала, с такого впечатляющего зачина:

«Время повисло на стрелках часов,
страхи ползут из притихших лесов».
(*И тут же обожжаемая мною билингва: «мой любимый»*).

Она:

«Вдаль не смотри, отойди от окна,
может осколком поранить луна.
Чуешь, как мелко дрожат тишина
и губы.
Видишь, как низко висят у воды
острые звёзды из тонкой слюды,
знаешь, кровавые в небе следы
остались.
Не поднимай к ним, любимый, лица,
стоны от неба слышны без конца.
Это приметы войны и свинца,
и стали».

И он в ответ:

«- Полно, от ветра дрожит тишина,
прочно приклеена к небу луна,
нас не достанет, не тронет война,
я знаю.
Дом устоит против злобы и лжи.
Только от ветра стекло дребезжит.
Чай вскипяти и детей уложи,
родная.
Август уходит, печальный добряк.
Воздух не кровью – закатом набряк.
Вышили звёзды платок сентября
всего лишь.
Сонной травой зарастает быльё,
осень стучится, мы примем её.
Что же ты зябкое сердце своё
неволишь?»

И финал, умиротворяющий сердце и душу:

«...хочешь – красивый букет соберу,
осень впущу. И со стёкол сотру
тревогу».
На время? Так ведь все на время...

Одно из самых впечатляющих стихотворений финала.

Подборка стихотворений Любви Левитиной

Гербарий неисполненных желаний

Пылится в заколоченном чулане,
а может быть, на старом чердаке
гербарий неисполненных желаний

и грезит о заботливой руке.

Забытые, отправленные в небыль,
листы, где нет ни времени, ни дат,
а только бледный цвет, засохший стебель,
сожжённый лес и вырубленный сад.

Гербарию загаданное снится,
он дремлет и не ведаёт пока,
что время копит новые страницы,
свисая паутиной с потолка.

Циля

Циля – бабушка своенравная,
любит, чтоб в доме была чистота.
Врач про неё говорит: "сохранная",
но всё-таки сила уже не та.
Вот если бы дальше жить, не старея
(бывают же крепкие старики)...

Циля тайком влюблена в Андрея –
доктора из поликлиники.
Поздние чувства – отнюдь не безделка,
нахлынут – не спросишь их, почему.
Поэтому Таня, сестра-сиделка,
часто водит Цилю к нему.
Где-то кольнуло, а Циля и рада,
маленькая радость – пигалица.
Пара кварталов – и вот он, рядом,
с Таней по-доброму перемигивается.

Так жаль, что почаще ходить непросто,
Таня – третья лишняя, но других вариантов нет.

Циле вчера исполнилось девяносто –
до ста двадцати ей ещё тридцать лет!

Магазин Якова

В южной части Тель-Авива,
не особенно престижной,
Яков держит бакалею –
магазинчик небольшой.

Всё расставлено красиво,
протирает полки трижды
в день его супруга Лея,
аккуратно и с душой.

От семьи Багратишвили
он из «Грузии печальной»
отчей Грузии чудесной,
по рождению еврей.

Вы к нему не заходили?
Яков – сам себе начальник.
Сам придумывает песни,
напевая у дверей.

У него детишек двое,
их автобус возит в школу,
сын Давид и дочка Сандра.
Яков хочет четверых.

И плывут в потоке зноя
звуки песенки весёлой
юрким стилем саламандры
вдоль кирпичных мостовых.

Магазин открыт до ночи.
Покупателей немало.
В сотне метров синагога,
рядом сквер хранит уют.

Забегает люд рабочий,
забрывают нелегалы.
Собираясь у порога,
под беседу пиво пьют.

Никого не обижая,
он со всеми одинаков.
Хорошо идёт торговля,
для страны и для семьи.

А страна-то не чужая,
был бы мир, и будет Яков,
сберегая дом и кровлю,
песни складывать свои.

Счастливики

Есть у Рони квартира и обеспеченная сестра,
Рони душ принимает и громко поёт с утра,
вкусно завтракает и обедает за столом,
а на улице всем подряд говорит «шалом!»
Никого не пропустит (любой человек хорош)
и сияет, как начищенный медный грош.
Всем желает здоровья и счастья тепло и искренно,
смотрит в лица с любовью, и смеяться над ним бессмысленно,
потому что он светится, словно солнце из моря выловил на крючок.
Городской дурачок.

А Дорит ночует в подъездах, но в том не видит беды,
если там не холодно. На помойках полно еды.
Вот вчера нашла почти что целую запечённую курочку.
Городская дурочка.
Просыпается утром рано, идёт во двор,
если кто-то встретится, заводит с ним разговор.
И её не гонят – ну в чём же она виновата?
Иногда кому-то звонит со сломанного автомата.

А недавно я видела Рони с Дорит вдвоём,
говорили взахлёб, и каждый, вроде бы, о своём.
улыбались, вовсю размахивали руками,
но совсем не выглядели дураками.
Он смотрел ей в лицо с любовью, держал за талию,
и они, довольные, хохотали.
Рон одет был дорого, впрочем, просто:
джинсы от «Levi Strauss» и рубашка новая от «Lacoste».
А Дорит в заношенной рваной кофте,
из которой бесстыдно торчали грязные
бретельки от лифчика.

Такие похожие, такие разные –
два счастливлчика.

Нищенка

На площади, сутулая, хромая,
из равнодушных пальцев принимая
монетки – метки вех календаря,
сквозь лица смотрит, не благодаря.
Порой, под нудный гул автомобилей,
плывёт в потёртый лаковый обман
запретных тем, где так её любили.
И жизнь свою листает, как роман.

Трава и небо – те же, только те ли?
Её всегда настойчиво хотели.
Пожалуй, покупали. Но она
гордилась, что достойная цена.
Бежали дни (ей было их не жаль) и,
сгущаясь в годы, падая в провал,
бесцеремонно цену понижали:
любой и покупал, и продавал.

...Светило тонет в озере заката,
но гасят пламя drobные стаккато
непрощенного крупного дождя,
и тот, не различая, не судя
людей смывает с площади, толпою.

Толкая в бок, изрядно пьян и зол,
зовёт в любовь былую, с перепою,
знакомый ей по прошлому «козёл».

Послав подальше выпившего фавна,
не нужная ему, себе – подавно,
поскольку для любви уже стара,
уходит в нишу тёмного двора.
А завтра вновь, со страстью наркомана
сложив грехи в заплечную суму,
прочтёт главу печального романа,
не нужного, по сути, никому.

Гамельнское

I Крысы

Небо дышит пылью и пахнет серой,
солнце – выжатый ананас.
Позади куражится город серый,
он всегда ненавидел нас.
Потому не спросит: зачем? куда мы?
Догорая, чадят мосты.
Мы уходим сомкнутыми рядами,
зубы-гвозди, крепки хвосты.
Поднимаем пыль на тропе ногами,
животами в траве шурша.
Каждый носит свой непрощённый Гамельн,
и не стоит его прощать.
В край, где в нежной музыке тонет слово,
мир по-своему нарекать
мы идём за дудочкой крысолова.
Не свернуть.
...Впереди река.

II Дети

Небо дышит пылью и пахнет серой,
солнце – выжатый ананас.
Околдован звуками город серый,
потому не удержит нас.
Прибываем пыль на тропе ногами,
невысокой травой шурша.
Смотрит вслед беспомощный сонный Гамельн,
нас научат его прощать.
Горько шепчет в спины попутный ветер,
опустился небесный свод.
Мы теперь уже навсегда не дети...

На волнах чародейных нот
в край, где в недрах музыки зреет слово,
мир по-новому нарекать
поплывём за дудочкой крысолова.
...Удержи на воде, река!

Согласно средневековой немецкой легенде, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

Распробуй зиму

Желтеет месяц живым бананом,
промокший мир бередя обманом,
но в том не твоя вина.
Лишь память зрима и покаянна,
и ты себя ощущаешь пьяным
без праздника и вина.
Здесь дождь латает судьбу стежками,
а ты дурачишь её стишками,
бросая слова в тетрадь.
Судьба устала писать анамнез,
она давно разбросала камни
и требует их собрать.
Кто знает, сколько шагов до края:
спешить, роняя и собирая,
покуда густая тьма
ночами ищет финал сюжета,
в котором нет ни весны, ни лета.
А нынче – твоя зима.
Чего ты хочешь ещё добиться?
К чему гоняться за синей птицей,
по нервам пуская ток?
Взгляни на дело с других позиций:
не стоит злиться и торопиться,
пора подводить итог.
Ещё ты можешь летать вблизи, но
всё тяжелей от камней корзина,
где нежились миражи.
Активизируй в крови энзимы,
на вкус и запах распробуй зиму
и горькое счастье жить.

Вера Суханова, г. Смоленск, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»

Конкурсное произведение

Старая башня

Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума.
Там, где тепло, всё тонет в Лете,
Ну, а у нас стоит Зима.
Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний,
Пугаясь призраков и тьмы.
Под сводами металось эхо,
Там пятый век шёл смертный бой,
И сверху сыпались в прореху
Потоки крупки ледяной,
Колючие, как струйки крови,
Давно замёрзшей в облаках.
Скрипели доски ветхой кровли
И сковывал животный страх,
Гнетущий, застарелый, вязкий,
Застрявший здесь с тех самых пор,
Когда в кровавой свистопляске
Сёк ляхов боевой топор.
Пространство начало сужаться.
И чтоб не сгинуть, не пропасть,
Нам оставалось – целоваться,
Впервые в жизни пылко, всласть.
С испугу – не по зову плоти –
В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы.

От литературного обозревателя

Краткое предварительное резюме:

Зима в тексте, безусловно, присутствует. Решение остальных задач, поставленных перед конкурсантами, под сомнением».

Финальная оценка:

При повторном считывании впечатление стало более позитивным.

Конкретная история о старой башне, той самой, где

«...в кровавой свистопляске

Сёк ляхов боевой топор»,

возникает и в основном используется как повод для более широких поэтических обобщений.

«Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума...»;
«Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний».

А там

«Скрипели доски ветхой кровли...»;
«И сковывал животный страх...».

К тому же вокруг «у нас стоит Зима». А где зима, там и Северянин (Игорь): "Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"

Потому не надуманным и вполне естественным выглядит дальнейшее развитие сюжета:

«И чтоб не сгинуть, не пропасть,
Нам оставалось – целоваться,
Впервые в жизни пылко, всласть.
С испугу – не по зову плоти...».

И пусть финал звучит достаточно иронично:

«В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы»,
но обций пафос текста он практически не снижает.

Зачет.

Подборка стихотворений Веры Сухановой

Дождь

Разверзлись хляби, дождь накрыл
Промокшим одеялом площадь,
Весь город в реку превратил
И тучи в ней теперь полощет.
Мы замерли на самом дне,
Среди затопленных растений,
Нас видит Бог в глубоком сне:
Двух странников, двух привидений.
Пока дожди стоят стеной
И гроыхает гром натужно,
Мы в коконе судьбы одной
Но скоро вырвемся наружу.
Ты полетишь к себе на юг,
Где обдаёт пустыня жаром
И выются тучами вокруг
Пожаров мотыльки-Икары.
А мне – на Север, где терпеть –
Наука и «судьба такая»,

Где мне уже не отогреть
Как лед, бесчувственного Кая.

* * *

Февраль растушевал зимы узор графичный,
растёкшийся пейзаж,
в озябнувшей руке, безвольной, анемичной,
графитный карандаш.
Снег вымарал давно рисунок изначальный,
ещё до Покрова,
и то, что о любви нет повести печальней,
- избитые слова.
Ах, если бы всё то, что кажется банальным
по сути и на вид,
не саднило, не жгло и не было фатальным.
Но саднит и болит.
Февраль – погонщик туч. Нелётная погода,
увязший коготок.
Я знаю, у любви срок годности три года,
и он давно истёк.
Все письма удалю, все вирусные фото,
чтоб больше не болеть.
Февраль стирает всё, как ластик, как зевота,
как маленькая смерть.

* * *

Ветер треплет вихрастый лес,
Вертит лопасти ветряка,
И пока запал не исчез,
Нужно трогаться в облака.
Хватит вышивок по канве,
Дуй – попутного в паруса!
На салфетках в мятой траве
Телефоны и адреса.
Моет рыхлый песок волна,
Отошел последний паром,
На душе такая война,
Что ни в сказке и ни пером.
Подхвати меня и умчи!
Там под куполом высоко
Голубь вьётся и не горчит
Материнское молоко.

* * *

И пустая клетка позади...
(Осип Мандельштам)

Катись, мой клубочек серебряных нитей,
Сквозь ушко игольное, землю, мытарства,
По жгучим пескам, облакам, по наитью
В неведомый край, в тридевятое царство.
Пусть там обнулятся все коды и тропы,
Все дихотомии с их мелким лукавством,
Поднимется ветер, натянутся стропы,
И я полечу налегке в беспространстве.
И яблочком райским водила по блюдцу
И, путь отмечая, бросала монетки,
Мне было бы просто на Землю вернуться,
Но я не вернусь в опустевшую клетку.

Пчела

Восходит к небесам Пчелиный путь,
За роем мыслей тянется забвенье
Сирен небесных сладкогласно пенье
И манит, чтоб на рифы рифм толкнуть.
Дыханье жизни или проводник
В загробный мир, где царственный Вергилий
Плетёт венки из белоснежных лилий,
И падают они в живой родник.
Над ним клубится животворный пар
В дремучих зарослях густой Melissa
Неслышно зреют замыслы и смыслы
И пчёлы собирают их нектар.
Жужжит в прохладной чашечке цветка
Упорная добычливая жрица,
Пусть жизнь её одно мгновенье длится,
А вечность, словно память, коротка.

Город русалок

Это не город, а водоём,
И у дождей в плену
Люди, как рыбы, плавают в нём
Или идут ко дну.
Кровью холодной из синих жил
Северных стылых рек
Город накрыло, и всех, кто жил
В нём. И строил Ковчег.
Серое небо над головой
Сет унылый свет.
Твари по паре спасает Ной,

Ну, а непарных – нет.
Город русалок щерит зубцы
Старых дворцов, домов.
Всяк одинок – и в воду концы,
Сгинул – и был таков.
Люк Ковчег задраен давно.
Дождик снаружи сник.
Слышно только: скребётся о дно
Острый рыбий плавник.

* * *

Я не гоню непрошенных гостей.
Они, как судьи, судят, нужно ль время
Мне для моих подержанных страстей,
Тревог, высокомерий, треволнений.
И пусть сидят до первых петухов,
Я каждому из них придам значение,
Я всех приму душой, хоть без грехов
Нет никого, и я не исключенье.
Пусть для кого-то гость – что в горле кость,
А я кочевница, мой дом – повозка.
Любой захожий – это плеть и гвоздь,
И цепь, и якорь, и печать на воске.
Я не гоню непрошенных гостей,
Гость промелькнет, как миг, как век короткий,
Уйдёт, оставив горстку новостей.
Их можно до утра перебирать, как чётки.

Галина Булатова, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игора Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

Десятое лето

Казалось, в жизни не предашь
привычку, умницу, натуру,
однако я свой карандаш
сменила на клавиатуру.

Я поменяла города,
работу, имя и пространство,
в котором красная звезда
была как символ постоянства.

Когда же – «трижды жди меня» –

обещанное рассмеялось,
я не убавила ни дня:
подумаешь, какая малость

меж вечным именем жены
и безымянностью на пальце, —
когда ромашки так юны,
а я древней неандертальца;

когда ржанные корабли
плывут в полях моей эклоги,
и я — дитя сырой земли,
она мои целует ноги.

О этот дождь, о этот гром,
и золотая круглость сена,
и пережат весёлой пены
у теплохода за бортом;

Луны смешная воркотня,
четвёртый спас, таённость пенья,
и жизнь простая, как репейник, —
всё это я.
Люби меня.

От литературного обозревателя

Как я выразился прежде:

«Достойный текст, о том, что нас окружает, и от чего мы неотделимы».

Финальная оценка:

*Текст лиричный и вместе с тем немного бесшабашный.
Одновременно внешне разбросанный и внутренне цельный.
Многие фрагменты показались очень привлекательными.*

«...красная звезда
была как символ постоянства»;
«меж вечным именем жены
и безымянностью на пальце, —
когда ромашки так юны,
а я древней неандертальца...»;
«О этот дождь, о этот гром,
и золотая круглость сена»;
«Луны смешная воркотня,
четвёртый спас, таённость пенья...».

*Все это и есть «жизнь простая, как репейник».
Такая незатейливая, такая насыщенная, такая полнокровная и желанная.
Пусть в отчаянном призыве «Люби меня» и больше веры, чем уверенности.*

Подборка стихотворений Галины Булатовой

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения – гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен Макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя Настя с дядей Гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
Ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропой
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: *город Горький*
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

Симбирск

Сим-сим, откройся!
Ларцом Владимирского сада
с его златоволосой нимфой
в неспешном шелесте фонтана.

Води мостами, как смычками,
звучи виолончелью Волги!
Вчера ли в кружеве ранетка
с тобой стояла под Венцом?

Катись, свияжское колечко,
тори причудливое русло,
вдевай – мостам на удивленье –
фату тончайших облаков.

Весь день бродить по разноцветным
половичкам сплетённых улиц,
ах, загляжусь – коньки резные
летят под дугами крылец!

Симбирск, откройся!
Щеколдой двери деревянной,
ключом, оброненным Маришкой,
скользнувшим в лоно подземелья...

И честной карамзинской музой,
и русской мыслью Гончарова,
и одному тебе присущей
мемориальностью имён.

Но сколько света и надежды
у птицы Спасо-Вознесенья,
у пьющих небо голубое
золотоклювых куполов!

Аве Марина

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выщвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить – Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, – шумит прибой, –
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, – луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

Пушкин

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Та же шевелюра
Буйного цветка,
Вашего прищуря
Свежая строка.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

Осенняя элегия

Вышел я родом из леса,
из-под пера топора.
Чувствую тяжесть железа, –
так в ожиданье пореза
отвердевает кора

и раскрываются поры
свет предпоследний приять.

Солнце косого пробора,
прямолинейность укора,
страха невнятная прядь.

Я сокращён до предела,
сжат до астрального тела,
я на прожилках распят.
В час, как рябина зардела,
небо уходит назад.

Даром сбиваются в стаи
братья мои, отлетая,
даром дрожат на ветру, –
каждого перелистает
та, что красна на миру.

Что там осталось? Полешки,
в беличьих дуплах орешки,
исповедь кроткой воды
и у рождественской вешки
окрик зелёной звезды.

Молчание

Посол суверенного рая...
(Наиль Ишмухаметов)

Как будет, так и будет,
умолкни, изустав.
И кто тебя осудит,
когда и сам неправ?

Беги, мой суверенный,
садами просквозив,
беги, пока по венам
толкает кровь сизиф.

Пока тропой медвежьей
ты слово не настиг,
пока июнь подвешен
на гвоздики гвоздик,

на крюк чертополоха,
на стрелы черемши...
Ни хорошо, ни плохо,
а просто – это жизнь...

Время синих стрекоз

Там, куда я навскидку,
ерундой забрела,

синий мостик раскинул
два речные крыла.

Речка, речь волопаса,
ты впадаешь куда?
Впасть в наивность и пафос –
небольшая беда.

Это счастье: разиней
на неспешном ходу
оказаться на синем
стрекозином мосту,

где и полдень высокий
к водной глади прирос,
где течёт над осокой
время синих стрекоз.

Виктория Смагина, г. Томск, Россия

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

И дни за днями колкая вода

И дни за днями колкая вода
вступает в силу.
Холодеет время
до жёлтых листьев.
Скоро невода
паучьи полетят ловить осенних
в тугой комок клинической тоски
по яблокам несбыточных эдемов,
и торкнется межрёберно: «беги!»,
усталый кролик интернетных мемов,
беги туда, где каждому дано
смотреть и видеть жемчуг в мутном иле,
смешное и наивное кино,
где нас вели за ручку и любили,
а яблоки лежали на траве
планетами, упавшими с орбиты,
гудели пчелы массовый привет
дворовым клумбам,
день дрожал на нити
воздушным шаром – дунь и улетит
в неведомое за седьмое небо,
и дождевой рассыплется петит
на пыль дороги, не читаем, нем, но

по-детски чист, облаян рыжим псом –
охранником за теплую горбушку,
и каждый вздох молочно-невесом,
и ангел шепчет светлое на ушко
об оперённом слове.
До поры
осенних лет – пуды съедобной соли.

...И катятся по блюдечку миры,
и спит в походной шляпе белый кролик...

От литературного обозревателя

Первое впечатление:

«Высококачественная поэзия. Волшебная и завораживающая. И такая насыщенная, много аспектная. Как она соотносится с темой конкурса? Да она со всем соотносится...».

Финальная оценка:

При перечитывании это впечатление подтвердилось и только усилилось. Вообще мне текст представляется несколько недооцененным (я бы был куда щедрее).

Его плотная, густая поэтическая ткань, раскованные поэтические репризы, общая интонация оставляет (у меня) ощущение приобщенности к самым главным сущностям поэзии.

Тонкая словесная детализация:

«колкая вода
вступает в силу»;

«Холодеет время
до жёлтых листьев»;

«...усталый кролик интернетных мемов»;

«...а яблоки лежали на траве
планетами, упавшими с орбиты»;

«...день дрожал на нити
воздушным шаром – дунь и улетит»;

«...облаян рыжим псом-
охранником за теплую горбушку»;

«...и ангел шепчет светлое на ушко
об оперённом слове».

Хотя иногда такая изобретательность становится чересчур изоциренной. Так фрагмент

«Скоро невода
паучьи полетят ловить осенних
в тугой комок клинической тоски

по яблокам несбыточных эдемов...»
мною не совсем считывается.

Ничего, был бы он понятен автору, который вызвал у меня полное доверие.

И раздумчивая подводка «До поры осенних лет – пуды съедобной соли».
Подводка к такому многозначному и поэтическому финалу
«...И катятся по блюдечку миры,
и спит в походной шляпе белый кролик...».

Я бы проголосовал за.

Подборка стихотворений Виктории Смагиной

Осеннее

тёмно-рыжей золотинкой
на ладонь листы легли
заедает миг пластинкой
оффенбах ли вагнер ли
кружит время
кружит ветер
и очерчивая круг
нестареющие дети
пепел стряхивают с рук
пепел совершеннолетий
потускневших
палых слов
кровоточащих отметин
сбитых маковых голов
плесневелых валентинок
позабытого «пока»
перезвона талых льдинок
недошедшего звонка
тихой сапой
скальной крупкой
пеплом
пылью
тварный мир
за пасхальною скорлупкой
истирается
до дыр
еле слышно шепчет ясень
отгоняя серый бред
это осень
просто осень
рыжий день
и рыжий свет

Из жизни гусениц

«Никаких крыльев нет.
Просто умираешь – и всё.»
Гусеница.

В прохладном небе тают облака
Кусочком рафинада на лазури
И лунный серп оттенка молока.
И ветер отцветающих Лемурий
Запутал дни в клубок – сиди, вяжи
Силки для слёз, покровы для утопий,
Ловцов бессонниц, паранджу для лжи,
Узлы словес в потоках мыльных опер.
Сиди. Вяжи. Кури себе кальян.
Дури алисок, кроликов, поэток.
Когда твой Кэрролл болен или пьян,
Грибы растут, чеширясь так и этак.

Не верь грибам, заблудшее дитя,
Они всю жизнь манят бредовым галсом.
Что крыльев нет я знаю...
Дни летят...
Из кокона никто не возвращался.

Мартовское

Первый месяц тепла.
Обережно качают ветра
свечи тонких берёз.
От порога оттаявших дней
уползут холода, поджигая на первых порах
потемневшие лапы ленивых сугробных зверей.
Распаятся сосульки до сброса карнизных оков.
Март засеет шоссе черновым многоточием луж,
снимет шубы с прохожих, поманит домашних котов
позывными природы, которых и homo не чужд.
Воздух волглой весны вездесущ,
резидентом внедрён
в застеколье хрущовок, визитки гламурных витрин,
придыханье на гласных внезапно оживших имён
позабывших историй, что выдумал сказочник Грин.
Поплывёт переулком флотилия серых домов
мимо стаек машин, маяков светофорных и встреч
пешеходов на зебрах...

И завязью ясельных снов
Прорастают слова там, где за зиму вымерзла речь...

Коулрофобия

«На мели мы лениво ловили линия...»
Недоловленный линь, неудавшийся выход
молчаливой Пьереттой в сценарии дня,
где овации зала шутам и шутихам.
Не шути о шутах.
Здесь давно в колпаке
каждый третий, а первый стократ околпачен.
И, сжимая бенгальский огонь в кулаке,
четким строем идут арлекинские мачо
в разноцветном трико, круглоносы, лихи.
«Вот и я!» тут и там.
Берегись, несмеяны.
Пошлость – норма речей,
что ни глупость, то – хит,
что ни лозунг, то – бред,
что ни взгляд, то – стеклянный.
Оловянный солдат, деревянный болван...
Размалёванный «янг» охмурит под копирку.
«На мели мы...»
Растролленный левиафан
сеет споры по тварям, по весям и циркам,
инфицирует стёбом трагичный реал,
истекает злословьем гогочущих бесов.
...Торопясь под софиты — беснуется зал,
не смотрюсь в зеркала.
Я боюсь клоунессы...

Под дождём

...И под дождём поникшие дома.
И дождь, уставший бить в сырые стены.
Насквозь промокший день.
И я сама
в себе храню дождливые домены,
где прописались сплин и дежавю,
«в Москву, в Москву», «ту би ор нот» вне сцены,
бессрочный квест от будней на краю
к чужому шоу в центре ойкумены,
немые сны с нейролептичным дном
а ля нуар нон-стоп в районном клубе,
где собирает некто, весь в былом,
печально монохромный кубик-рубик.

И где-то там, в неведомой дали,
на рубежах утрат ковчега Ноя,
секретиком из детских «не боли»
янтарный день сияет под водою.

Узелки

узелками первый третий
мойры стягивают нить
ты — обрывок междометий
между быть или не быть
между сциллой и харибдой
между раем и райком
с маргинальной парадигмой
колокольного «по ком?»
узелки суровой нити
вот и нить из узелков
что нам гордый в раkkун-сити
разрубил
и был таков.

Пичужье

Устало-приземлённые, молчим,
когда словам пичужьим нужен воздух —
легко взлететь над тысячей личин
вороньей стаи,
над кликушьям «поздно».
Картавый «невермор» не минет нас.
Вчера не ждёт,
кукушкиным маршрутом
сбегает, бормоча «сегодня — пас»,
к вавилонянам и обэриутам.
Не удержать, не повернуть и не
расшифровать [Наска]льные скрижали.
Птенцам не опериться.
Но синей
всех синих птиц слова,
что не сказали.

Ольга Кочнова, г. Тверь, Россия

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

* * *

А дальше будут только холода,
заплаканные стёкла, шорох капель,
и небо точно блёкая слюда,
и лес расхристан, и весь мир как паперть...

А дальше будет только этот снег,
пугающий своею чистотою,
лежащий на чёрный глянец рек,
летающий над тобой и надо мною...

А дальше... всё известно наперёд.
Я как во сне твою сжимаю руку,
и вижу ледостав и ледоход,
но кто-то вдруг окошко распахнёт
и душу выпустит,
и кончит эту муку...

От литературного обозревателя

Ранее было сказано:

«И этот текст очень хорошего уровня. Немного слов, но много воздуха и проникающего в самое сердце человеческого чувства».

Финальная оценка:

Трудно что-либо добавить к предыдущей характеристике этого текста.

Его сдержанный лаконизм вместе с сокровенной глубиной оставляет сильное впечатление.

И все выражено с подлинным поэтическим мастерством.

Приведу только два фрагмента. Для подтверждения? Нет, скорее, в порядке смакования.

«А дальше будут только холода,
заплаканные стёкла, шорох капель,
и небо точно блёклая слюда,
и лес расхристан, и весь мир как паперть...
А дальше будет только этот снег...
...летающий над тобой и надо мною...».

«А дальше... всё известно наперёд....
...и вижу ледостав и ледоход,
но кто-то вдруг окошко распахнёт
и душу выпустит,
и кончит эту муку...».

В любом случае, для себя оставляю.

Подборка стихотворений Ольги Кочновой

* * *

за окнами деревьев ровный ряд
мне только семь, опять продлёнка в школе
пиши своё жи-ши – мне говорят
я не пишу, я не дышу, я болен

и гаснет день, и свет уже дневной
в светильниках гудит, мигает тускло
открыта книга, я смотрю в окно
а там темно и холодно
и пусто

и не идут
и не придут за мной
с плафонов ламп свисает паутина
я – батискаф, я ухожу на дно
внутри себя так тихо и рутинно

mayday, mayday... неслышимо никем
в эфире исчезает пульсом тонким
но снова кто-то пишет в дневнике
что остаюсь, что у меня продлёнка

* * *

Над отцветшей черёмухою – стрижи.
Над лицом – локон чёрного серебра.
Мне не надо, но ты всё равно пиши,
как идёт к Магомету его гора.

Как над нею отарами тучных овец
облака, тяжелея, едва плывут.
Истончается золото старых колец,
приедается сонный уют.

А стрижи над черёмухой небо кроют,
из распоротых хлябей – то дождь, то ветра.
Магомет смотрит в небо – там овцы парят.
И ни он никуда не идёт, ни гора.

* * *

Карусель снегопада в марте...
Карусельщик, похоже, пьян.
Обозначенный точкой на карте,
город – точно врождённый изъян.

Зашиваюсь суровой ниткой,
не уйти ни в себя, ни в запой –
на ладонях его гранитных
никому не найти покой.

В вихре мартовской круговерти
прочь куда-то весь мир несёт.
Эй, ты слышишь – ты тоже смертен!
Начинай свой обратный отсчёт!

Запускай...
Каруселит в марте.
Вектор выбран опять нулевой.
Город мой – только точкой на карте,
точкой маленькой, болевой.

Соэль Карцев, г. Дортмунд, Германия

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

Возвращение в юность

Сядь, наизусть напоследок не выучив
Тяжесть Невы и ажур берегов,
В поезд плацкартный изящнейшей выточки,
В самый зелёный на свете вагон.

В воздухе, лёд обнажая бледнеющий,
Буковка "М" свет из юности льёт.
Первой любовью некстати болеющий
Мальчик к часам в ожидании льнёт.

Радуга сна сквозь Союза действительность
Двигается, по монументам скользя.
Фугою Баха звучат удивительно
Те голоса, что услышать нельзя.

Вдоль перестроечной, хищной сумятицы
Чёткая линия – за горизонт:
Белые лилии, страстные пятницы,
Тихий приют и для жизни резон.

Катится поезд по-цейсовски скрещенным
Рельсам дороги, ведущей туда,
Где ударяется в узкие трещины
Первых протоков роковая вода.

Там паутинки цветущей акации
Сети мембранной поют в унисон,
И улыбаются встречные грации,
И продолжается сказочный сон.

Насыпь глотает колёса стучащие,
Свет фонарей замедляет разгон:
Где-то остались друзья настоящие,
Самый зелёный на свете вагон.

От литературного обозревателя

Мое предварительное мнение:

«Еще одна дорожная зарисовка. И при этом довольно небрежно исполненная. Но дорога продолжается? Так что будем надеяться на новые более впечатляющие встречи».

Финальная оценка:

Пожалуй, сказано было чересчур категорично.

При перечитывании проявилась и негромкая раздумчивость текста, и его неспешная элегичность.

А моя характеристика «дорожная», конечно, относится к путешествию во времени. К которому все мы склоны. Все больше по истечению этого самого времени.

Неброское стихотворение все явственней проявляется во всех своих деталях и подробностях. Не сразу бросающихся в глаза, но от этого не менее выразительных.

«Сядь, наизусть напоследок не выучив

Тяжесть Невы и ажур берегов...».

Когда пристально вглядываешься, можно разглядеть много всего:

«Первой любовью некстати болеющий

Мальчик к часам в ожидании льнёт»;

«Радуга сна...»;

«Те голоса, что услышать нельзя»;

«Тихий приют и для жизни резон».

А путешествие по времени и сквозь память все длится и длится:

«Катится поезд по цейсовски скрещенным

Рельсам дороги»;

«И улыбаются встречные грации,

И продолжается сказочный сон».

И пока не кончается:

«Где-то остались друзья настоящие,

Самый зелёный на свете вагон».

Но погружаясь в прошлое, главное не увязать в нем окончательно и тем самым отбирать все шансы у будущего.

Подборка стихотворений Соэля Карцева

Река жизни

Посвящается Марине Цветаевой.

Вернёшься ты из этой долгой муки,

Меж небом и землёй!

Растопит луч литые льды разлуки –

Безжалостной зимой.

Грядёт поток надежды и спасенья,

Отступит суeta.

Ты будешь жить среди стеблей растений
– Прожилками листа!

Ты не уйдёшь, и в этом вихре вечном
Пусть бархатом дождя
Коснёшься нас на перекрёстке Млечном,
Как берега – ладья.

Изящная, как лань, в движеньи чутком,
Наивна и чиста,
Приведшая свободно минуткой,
В знакомые места.

Дубравы шум и птичьи переклики,
И вишни спелой вкус...
– Твой голос здесь – плетеньем ежевики,
Нелепицею чувств!

Нам всем теперь – тебе, созвучной эху,
У томика внимать. –
Твои стихи, не просто на потеху,
Как таинство – читать.

Горчит полынь и сладок плод запретный:
Мне грустно и легко,
Твой абрис здесь и силуэт заветный –
Из глубины веков.

Комариное поле

1.

Привести в беспорядок дела,
удалиться в чём мать родила:
пусть потом разбираются, что ли,
те, кто знают как лучше и как
с наших зевсом забытых итак
уходить в комариное поле,
где ни страха, ни зла до поры,
только злые снуют комары
и пищат. Для того чтоб напиться,
не хватает им крови, и мгла,
как лукавая чья-то молва,
затеняет их узкие лица.

Я бы плыл к незнакомым мирам,
возвещая, что мир комарам,
и кричал бы, на них непохожий,
о добре, о любви, о делах,
что остались, – от ног моих прах
отряхал бы, в невидимость вхожий.

2.

Увеличить фасеточный вид,
а внутри – не зудит, не болит,
как на пляже в каком-нибудь суссе,
поводя комариным зрачком,
в комариные дали влеком,
наблюдать, как над полем несусь я.

Для души растаможка – пустяк:
как приспущенный в трауре стяг
позволяет отмерить живущим,
что до вечности пара шагов,
так и ей, выходя из оков,
не ломиться в геенны и кущи.

Не фантом, а набросок, эскиз –
комариное поле, и вниз
с эмпирея срываюсь в него я.
Ни угла, ни шатра, ни норы –
только злые снуют комары
и мешают постигнуть иное.

Марь Ивановна

Детский дом на Бухарестской,
Марь Ивановна.
Колбаса да сыр нарезкой,
Каша манная

Да горячее какао
Перед школою –
Пусть не с острова Макао –
Порошковое.

Тут родные палестины,
Снег с иголки.
Открывает враз машины
Юрка-форточник.

Неприятны разговоры
С воспитателем,
Но мальчишку учат воры
Обстоятельно.

В детском доме вся семейка –
Сёстры с братьями.
Мать кидает на скамейке –
Демократия.

Десять деток у мамыши –
Каша манная.
Мамой кличут дети наши
Марь Ивановну.

Игра теней

Игра теней – пустое в пустоте,
но всё же, всё же пестует пространство
движение, покой, непостоянство,
хотя они, конечно же, не те,
которые материи даны.
На грани света, в царстве имитаций
предмет теряет свойство изменяться,
мы видим сны.

Кавернами, провалами прошив
души приют – слепое подсознание,
где, тая, тень сливается с названьем,
где Йешуа выходит из ешив,
прощаемся с тюрьмой календаря,
где времени уловки неизбежны,
а вечность – как иссохнувший валежник –
всё ждёт огня.

Истина

Я хочу прикоснуться ладонями
к перепутанной в хаосе чувств,
сумасшедшей, случайно пророненной,
неизведанной истине уст.

Как страдает в безветрие мельница,
так и слово ледышкой стучит:
на печи-то ему не емелится,
а на воле не хватит защит.

Оттого ли акцента бесправие
часто слышу в Эвтерпы речах,
что травой, угнетённою гравием,
не добраться до Слова-ключа?

Я хочу прикоснуться ладонями
к безответной, живой, обездоленной...

Комната

В комнате, где "я" колобродит с "мы",
время растеклось по всему периметру.

Мне бы взять его, хоть чуть-чуть взаймы,
но меня никто не зовёт по имени.

Беспокойно ждём: покатила б масть.
Мы устали оглядываться на историю.
В этом склепе залитом всё одно пропасть
"Англелтеру", превращаясь в "Асторию".

Я когда-то был со страной един:
ералаш в душе, но хожу ухоженный.
Наша цель – дожить до благих седин,
стырив по пути все слова расхожие.

Под канат, на ринг сделав первый шаг,
продолжать идти как-то боязно,
да и рефери из таких решал,
что удары сыплются ниже пояса.

Я к противнику: провожать-встречать,
так ведь нет его, неказистого...
В белой комнате не один я, чать,
за дверьми её – поле чистое.

Подобрать бы мне ключ для октябрей,
чтобы не тонуть, плыть в замочных скважинах...
Тянет руки, скалится брадобрей.
Заслоняют сущее всё дела неважные.

Зимнее

Двадцатая бесснежная зима
невдалеке от вечного Гольфстрима.
Притихший мир... До Третьего ли Рима?
И жизнь, в итоге данная сама
себе одной (в эпоху перемен
так водится). Привычные детали.
Моя рука касается не дали –
твоих колен.

Вдвоём с тобой лелеем тишину,
в которой мир проносится по рельсам
прошедших лет... Альпийским эдельвейсом,
удачей, не поставленной в вину,
ты – для меня, границам вопреки.
За окнами мятущиеся тени
от нашей первой, голубой метели
так далеки...

**Павел Великжанин, п. Великий Октябрь,
Волгоградская обл., Россия**

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

Ледяные батареи девяностых

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут – свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы –
Ну зачем же их проводят красным цветом?
А в курятнике мелькала тень куницы
В гуще тех, кто верил собственным фальцетам.

Только детям все равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном «Чермете»,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замерзшем мамином бидоне.

От литературного обозревателя

Первое впечатление:

*«Вот так на первый взгляд немудреное воспроизведение врезавшихся в цепкую память
окружающих реалий становится поэзией. Печальной и впечатляющей».*

Финальная оценка:

Так оно и есть.

Не просто не уходящие далеко воспоминания о временах тяжелых, но не безнадежных.

«Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?»;
«Треск речей, переходящий в автоматный...»;
«Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы»;
«Наливались кровью свежие границы...».

Но жизнь неотвратимо продолжается и столь же неизбежно устремляется в будущее:

«Только детям все равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?
Мы...
не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов...».

Но все помнить и потому все преодолевать:

«Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замерзшем мамином бидоне».

Все тексты в завершении финального списка достойны друг друга. И поэзии достойны тоже.

Подборка стихотворений Павла Великжанина

О трех типах мебели. Иронично-патриотичное

Америка – офисный стул:
Все можно настроить, как нужно,
Нажал на рычаг, повернул...
Удобно, нет спору.... Но скучно.

Европа – старинное кресло:
Местами потерто и тесно,
Но в нем так уютно уютиться,
Дыша ароматом традиций...

Россия – скамейка в саду:
Как сядешь – занозы в заду,
И дует, и жестко, и холодно здесь...
Но только на ней имена наши есть.

В едином свитке

Туман заполнил узких улочек листки,
Молочной тайнописи между строк подобен.
Слепцы-троллейбусы, держась за поводки,
Едва нащупывают Брайлев шрифт колдобин.

А я сижу в одном из них, к стеклу припав,
Как в перископ смотрю из домика улитки:
Вокруг меня – семь миллиардов смутных глав,
Что пишут – каждая себя – в едином свитке.

Рвется гриф с твоего плеча (Скрипачу)

Вот опять рвется гриф с твоего плеча,
Но четверка жил не пускает ввысь,
А смычок поцелует струну сейчас –
И шепну я: «Время, остановись!»

В душном воздухе ты пробиваешь брешь:
Взмахом крыльев бабочки из сачка –
Но в бреду себе горло не перережь,
С рельсов струн срывая состав смычка.

В деках – скрип горных елей и ветра крен.
Ты над бездной лет зыбкий мост раскинь,
Раскачай его пульсом яремных вен,
Напой струну теплотой руки.

Я катился по жизни, как снежный ком,
И за слоем слой глубже прятал суть.
Ты в кипящем котле помешай смычком
Позабыть о том, что нельзя вернуть.

Заколдуй немигающим взглядом эф,
По скорлупке трещина зазмеит,
Разбуди первобытные души Ев,
Пусть Адамы вспомнят своих Лилит.

Капитанская дочка

Он, играя со мной, по-отцовски был прост:
То подбрасывал в небо летуньей,
То на плечи сажал, как в седло – выше звезд
Золотисто сиявшей латуни.

А когда он в тоске гарнизонных суббот
Жадно пил поцелуи бутылок,
Я сидела с ним рядом всю ночь напролет,
Молча глядя колющий затылок.

А потом в неприглядных портретах зеркал
Незаметно он сравнивал лица,
Будто в разнице черточек ту вспоминал,
Для которой я стала убийцей.

Грибы

1. Этот дождик так мал, он почти что и не был.
Он не шел, а хромал, еле капая с неба.
Мы не прятали лбы от бесшумной капли,
И одни лишь грибы дружно шляпы надели.

2. Под березой – подберезовик, под осиной – подосиновик,
Между ними в шляпке розовой мухомориха красивая.
На пеньке – опенок маленький, а пудовые – хоть взвешивай! –
Грузди сели на завалинку у кривой избушки лешего...

Был черствый хлеб вкуснее сдоб

Был черствый хлеб вкуснее сдоб,
Был труд войны, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукой, измолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
И приходили похоронки
В артели вдовьего труда,
В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно воронье,
Над опустевшими домами.
Кололо жесткое жнивье
Босое сердце старой маме...

Апноэ

Бывает, что проснешься липкой ночью
От тяжести в груди и на душе,
И все вокруг так зыбко и непрочное,
Как слепленное из папье-маше.

И может рухнуть от ударов сердца
Весь мир, в котором ты привычно жил.

Чуть хлопнет где-то хлипенькая дверца –
Душа сорвется с лески тонких жил.

Над городом, огромным и проклятым,
Кровавым серебром в тиши звеня,
Идет луна, суровый прокуратор,
Чтоб на кресте окна распять меня...

В обрывках сна запутавшись, как в тине,
Хватаю воздух ртом, но не могу
Я вспомнить, что же было на картине,
Растаявшей сейчас в моем мозгу.

Как будто брызги окатили градом,
Но не понять, что было в чаше той...
А это просто смерть скользнула рядом,
Едва задев холодной чешуей.

Александр Соболев, г. Ростов-на-Дону, Россия

*Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии
имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2018»*

Конкурсное произведение

Виноград

Утречко октябрьское сыро и пасмурно.
Ночь неторопливо снимает покров
с гроздьев кабошонов под сизою патиной,
с бусин драгоценных овальных миров.

Розовыми лозами осень увенчана,
жалована лучшей из славных наград.
Щедрый, как надежда, и сладкий, как женщина,
в воздухе туманном висит виноград.

Сад мой, вертоград мой унылым не кажется.
Кончилась повинность копать да полоть,
вызревшими каплями, ягодой каждой
светится его благодарная плоть.

Сроков не отменишь. Редееет над светочем
зазимком прибитый поникший наряд.
Листья обвисают истлевшею ветошью,
но, разоблачённый – висит виноград!

Кисти налились аметистовым бременем,
соками суглинка, водой кочевой.
Скорби виноградарей, злое безвременье –
всё-то повидал, всё ему ничего.

Что ему долги, о которых забыли мы? –
новые на землю сойдут времена,
было бы лучше золотых изобилие,
ждали бы кувшины густого вина.

От литературного обозревателя

Предварительный вывод:

«Слегка спотыкливый ритм придает тексту своеобразное обаяние. И делает его смысл еще более серьезным и весомым».

Финальная оценка:

С первых строк мы погружаемся в завораживающий мир слияния и единения человека с природой, где

*«Щедрый, как надежда, и сладкий, как женщина,
в воздухе туманном висит виноград».*

Вознаграждены все труды и усилия, нужно только соразмерить их с тем, что они принесли.

*«Сад мой, вертоград мой унылым не кажется.
Кончилась повинность копать да полоть,
вызревшими каплями, ягодой каждою
светится его благодарная плоть».*

Вечный круговорот жизни, вечные ее падения и взлеты:

««Сроков не отменишь...

*Листья обвисают истлевшею ветошью,
но, разоблаченный – висит виноград!».*

Этот он наш справедливый судья и главный итог:

*«Что ему долги, о которых забыли мы? –
новые на землю сойдут времена,
было бы лучше золотых изобилие,
ждали бы кувшины густого вина».*

*И этот текст отмечен приметами поэтической зрелости.
Вот и попробуй выбрать лучшее стихотворение.*

От редактора-составителя:

К сожалению, автор не представил для сборника подборку своих стихов, поэтому ограничиваемся только его конкурсным произведением.

Ирина Большакова, г. Санкт-Петербург, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игора Царёва «Пятая стихия-2018»

Конкурсное произведение

Медь

Табличка "В парк", а парка нет в помине.
Трамвай на перекрестке дребезжит,
И мегаполис множит этажи,
Пытаясь оторваться от равнины.
Всё меньше света дню принадлежит;
Ты в сетке дел, как муха в паутине,
И год к концу, а осень – к середине
Склоняется, меняя падежи:
Сначала лист, потом дожди и крупка,
И взгляду твоему наперерез
Всё падает и падает с небес
Под ноги то, что скользко или хрупко.
Уже пора о чём-нибудь жалеть,
Внимая с меланхолией уместной,
Как сквозняками уличных оркестров
Октябрь из труб вылушивает медь.

Когда тебя теряют безвозвратно
Дырявые карманы площадей,
Осмелишься – и сам собой владей
Среди колонн поротных и парадных.
Катись один потёртым пятаком,
Всё тот же дурень круглый, неразменный,
Катись по ободку своей Вселенной,
Минуя люки сточных катакомб.
Раз по ребру прочерчена межа,
Решишь пойти с собой на мировую –
Орлом иль ряшкой пасть на мостовую
К подошвам хладнокровных горожан.

Не привыкать довольствоваться малым –
Закрыть глаза на невесомый снег
И ощутить бронёй усталых век
Его прикосновение к металлу.

От литературного обозревателя

Ранее было сказано:

*«Противостояние человека окружающему миру. А скорее, предстояние перед ним.
Исход предопределен, но малые радости бытия все же дарят надежду на избавление».*

Финальная оценка:

Достойный текст.

Элегический зачин:

«Трамвай на перекрестке дребезжит,

И мегаполис множит этажи,

Пытаясь оторваться от равнины.

Всё меньше света дню принадлежит...».

Это хорошо.

Далее стихотворение немного увязает в перечислении подробностей и деталей, не все из которых выглядят обязательными:

«Ты в сетке дел, как муха в паутине,

И год к концу, а осень – к середине

Склоняется, меняя падежи».

Но далась авторам эта «крупка»!

В предыдущем тексте:

«И сверху сыпались в прореху

Потоки крупки ледяной...».

Здесь:

«Сначала лист, потом дожди и крупка...».

Хотя сами по себе образы достаточно выразительные.

И далее следуют интересные поэтические решения:

«Уже пора о чём-нибудь жалеть,

Внимая с меланхолией уместной,

Как сквозняками уличных оркестров

Октябрь из труб вылуцивает медь»;

«Когда тебя теряют безвозвратно

Дырявые карманы площадей...

Катись один потёртым пятаком,

Всё тот же дурень круглый, неразменный...».

И по предначертанному пути:

«Катись по ободку своей Вселенной...».

«Решишь пойти с собой на мировую –

Орлом иль ряшкой пасть на мостовую...».

А вот финал мне показался менее удачным:

«Не привыкать довольствоваться малым –

Закрыть глаза на невесомый снег

И ощутить бронёй усталых век

Его прикосновение к металлу».

Я – за!

От редактора-составителя:

Ирина Большакова ушла из жизни, не успев получить Диплом финалиста «Пятой стихии»...

Светлая память красивому человеку и прекрасному поэту!

ПРИЗЫ СИМПАТИИ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА

От членов жюри:

Анна Фуникова – Сухановой Вере (Смоленск) – за верность принципам классической традиции русской поэзии.

Елена Крадожен-Мазурова – Крупнину Александру (Санкт-Петербург) – за поэтически изящную и оптимистичную упаковку «нержавеющей мечты в безумства тополиного пуха».

От литературного обозревателя:

Владимир Гутковский – Смагиной Виктории (Томск) – за образную насыщенность, неординарность и смысловую глубину поэтического изложения.

Владимир Гутковский – Левитиной Любви (Израиль) – за проникновенный лиризм, точный и тонкий психологический рисунок поэтического текста.

(Стихи призеров представлены выше).

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Татьяна Комиссарова, г. Москва, Россия

В поезде

Люди медленных пространств, мы только сейчас
по-настоящему начинаем различать сорта времени.
(Марика Гонта, из письма А.Фадееву, ноябрь 1942)

Как будто бы родились в поезде
Под перестуки бесконечные —
Читатели вагонных повестей,
Где каждая строка отмечена.

Прикрыты снегом, как рогожею,
Промелькивают мимо сосенки.
Какие дни стоят хорошие,
Жаль только уходящей осени.

Жаль до безумия, до колики
Непрожитого и прошедшего,
Мальца на старом мотороллере,
И на пустом перроне женщину.

Всё мимо, мимо дни короткие
С мелодией, когда-то слышанной, —
Виолончели звуки кроткие
Над левитановскими крышами.

Динамо

Отрубив положенное, выйду.
Сахарная пудра на асфальте.
Ветер, злобу на проспекте выдув,
На берёзе задирает платье.

Во дворах печально и пустынно,
Ни собак, ни чад, ни их мамашек.
У помойки над куском застывшим
Крыльями ворона скучно машет.

Сто десятый увезёт к Динамо.
Там подъёмный кран над стадионом,
Взрезав небо вертикальным шрамом,
Напугает марсианским стоном.

Крановщик похож на космонавта –
То же одиночество в кабине.
Космодром, покрытый маскхалатом,
Как Земля, в пустом пространстве стынет.

Московский полдень

Московский полдень. Не взыскаю истин
там, где знакомо всё не первый год,
пройду по переулкам неказистым,
где пруд звенит подносом серебристым
и медленно плывущий самолет
напоминает медленное лето,
которое вот-вот придет, но это
пока секрет для молодых скворцов
из двора, тесного сиреню,
где свет не может наиграться с тенью,
где кот на солнце щурит глаз с ленцой,
где из пропахших пылью подворотен
летит, зеленокрыл и расторопен,
свежайший ветер прямо мне в лицо.

Читая Гиляровского

Рыбьей косточкой Сретенка
зацепила дома,
вниз по бережку лесенкой
разбежалась с холма
подворотнями чуткими
к забубённой Трубе,
полоснув переулками
по московской судьбе.
Ох, погуляно-попито –
до сумы, но пляши,
до полтины, что попику
на поминки души,
до последнего грошика
за последний глоток.
Что же было хорошего?
Просто жили, дружок.
И как плат над долиною
убиенной реки,
звон пасхальный, малиновый –
сре-тен-ский.

Владимир Кетов, г. Гамбург, Германия

* * *

Мир не слишком приятен. В нем случается туго.
Там не каждый – приятель. Не любая – подруга.
Там случайное солнце и стабильные ветры,
И всегда что-то льется с расстояния метра.

Мир не слишком приятен – он вообще не подарок.
Он то слишком прохладен, то безудержно ярок.
То дожди, то туманы. То паденья, то срывы.
То вожди да обманы, нападения да взрывы.

Мир не слишком понятен, в нем все сплошь – антиподы.
Там полно белых пятен и загадок природы.
Ах, неладно с тем миром. И не то в нем читают,
И не тем там кумирам похвалы воссылают.

И возносят моления всё не тем, кому надо,
И встают на колени в ожиданье награды,
И нельзя докричаться, даже если все ясно,
И бессмысленно драться. Потому что – напрасно.

И никак не добьешься, чтоб тебя понимали,
Даже если пропьешься до копейки в кармане,
Даже ежели в глотку, чтоб тебя уважали,
Даже ежели в водку чёрт-те что намешали.

И иллюзий не строишь в полумраке квартиры,
И порою завоешь на ночное светило,
И в бессонной тревоге все так вязко и смутно,
И всю ночь – монологи. В потолок. А наутро...

Встанет рыжее солнце и заглянет в окошко,
И на стуле прогнется полусонная кошка.
Недоступен и ясен, новый день наступает...
Мир, конечно, прекрасен. Если кто понимает!..

* * *

Если смотришь в зеркало каждый день –
А иначе вовсе не может быть –
Незаметна времени злая тень,
Вроде не в чем зеркало обвинить.

Шрамов долгих дней и коротких лет
Отраженья в зеркале не сыскать.
И ведь знаешь – были! – а смотришь – нет.
Ну и как прикажете понимать?

То ли врет нам зеркало, то ли льстит,
То ли просто нервы нам бережет...
Равнодушно-ртутная гладь блестит,
Сонный блеск подсвечника сух и желт.

Будет всем закончившим бранный путь
Непременно воздано по делам.
Не выходит зеркало обмануть.
Весь вопрос – зачем это нужно нам?..

Царь природы

При любой погоде, в солнце или в морось,
Отчего мы ходим по планете, сгорбясь?
Взгляд уставя в землю, шаркая ногами,
Знаменьям не внемля, посланным богами...

Ты ведь царь природы ж, свет ее и гордость,
Что ж ты песню портишь, изгибая корпус?
Если книзу шеи и к друг другу плечи,
Сохранить труднее облик человеческий.

И любая пакость чуть повысит голос –
Отступаем, пятась, уступаем, горбясь.
Целые народы под пятой у мрази...
Для царя природы это дело разве?

Хоть ровна дорога, мы ползем – не мчимся,
И, поднявши ногу, опустить боимся.
И стоим, как цапли. Много ль в этом толку?..
Ведь раба по капле – это очень долго...

Цветок

Ты жила, как живет цветок,
Отрицая добро и зло,
И вершина твоих тревог –
Лишь бы солнце скорей взошло...

В неумелых твоих страстях
Был бесхитростный детский дар...
Для тебя это был пустяк.
Для меня это был нектар.

Ты жила, как живет цветок,
Реагируя лишь на свет...
И головкою – на восток,
Даже если меня там нет.

Равнодушие, но не ложь,
Чистота, но не сладкий миф...
Ты жила и еще живешь,
Я не жил и уже не жив.

Ты жила, как живет цветок,
Так же искренно и светло...
И к чему подводить итог,
Если солнце уже зашло?

Юрий Макашёв, г. Барнаул, Россия.

Звонок на небо

Киоск у остановки: – Мне – «Вечёрку».
Я на ходу читаю на «стене»*:
«Недорого. Звонок на небо». Номер.
И снизу (очень мелко) – о цене.

В подъезде – тишина. Звоню. Устало
ответил голос на седьмом гудке:
– Дежурный по Небесной. Просто – Павел.
У Вас минуты три – накоротке.

С надеждой – я: – Соедините лично...
Хотелось бы услышать Самого.
– Попробуем... Он, правда, на больничном.
И принимает через одного.

Мне повезло: – Да, сын мой, говорите, –
негромкий бас заполнил телефон.
– Как там мои на небе, подскажите?
– Минутку, – кашлянув, ответил Он.

– Вопрос у Вас – немножко необычный.
Привычней мне – «Спаси и Сохрани»...
И, полистав какие-то странички:
– Да, всё в порядке. Вижу. Вот они.

Им хорошо здесь. Тихо и не больно.
Светло-светло – у нас ведь нет ночей...
Им здесь тепло (и потому – спокойно)
от огоньков поставленных свечей.

Вздыхнул: – Вот так. Терпите и... любите.
Нелишним будет просто помечтать.
И в «ЗАВТРА» будет всё – как захотите.
Не надо «ЗАВТРА» мучиться и ждать...

Короткие гудки... Щелчок... И – ветер...
Нетронут счёт. Как холодно внутри.
Пустой подъезд. И я – один на свете.
В руках – газета
номер тридцать три.

**стена – страничка объявлений*

Оловянный солдатик

Был камин. И солдатик из олова.
Старый чёрт никуда не спешил.
Если сказка придумана здорово –
значит, кто-то писал для души.

Значит, в этих страничках из прошлого
есть какой-то таинственный прок,
что ведёт из плохого в хорошее
по одной из невзрослых дорог.

Там растаяли были и небыли
где-то сразу, а где – повезло.
Там мы плачем, что взрослыми не были,
удивляясь, что детство прошло.

Там трудней, и по дому скучается.
Докучает соблазнами чёрт.
В чистом поле ромашки качаются,
по которым то «чёт», то «нечёт».

В старый мир убежать бы из нового
в мягких туфлях, набросив пальто...
Где камин. Где солдатик из олова.
И ещё... для души кое-что.

Иллюзия

В дождливый вечер ноги промочить.
Проснуться в воскресенье недовольным
и в сквозняке душевном различить
неровные (в длину) радиоволны.

Подумать о вчерашнем. Просто так,
как щелкнуть выключателем на кухне,
раскрасить в разноцветный кавардак
все то, что черно-белым было. Ухнуть
мячом тряпичным в серого кота.
Открыв окно, впустить мираж норд-веста.
Перевести часы. На пол-листа
вместить рассказ о времени без места,

о том, как распрямить упрямый круг
и отделить прощание от грусти,
как, превращая ветер в легкий звук,
расправить настроение над чувством,
иллюзию оставить «на потом»
на антресолях в старенькой квартире.

И умудриться (в том же выходном)
наполнить смыслом жизнь в подлунном мире...

Бабье лето

Устало лето сотню дней подряд
носить кафтан из зелени и цвета.
Зевнуло сладко, сбросило наряд,
и задремало в первый час рассвета.

Вы с ним похожи. Волосы. Глаза.
Такой же сон – небрежно-неодетый.
И голос чистый-чистый – что слеза.
Мечта художника (или поэта).

А осень всё на свете проспала,
хоть на дворе уж – первая декада.
Лениво потянувшись, как смогла,
чуть слышно зашуршала листопадом.

Осеннему – мне ближе этот вальс.
Медлительный, задумчивый, неброский.
Мне проще здесь беречь с тобой «баланс»,
разглядывая новые наброски.

Но лето вздрогнет, выдохнет теплом,
подбросит в воздух снова паутину.
И нарисует мельком за окном
багрянцем разноцветную картину.

Картину эту жизнь переплела
Любовью.
О другом – и не мечтать бы...
Ты улыбнулась, бровью повела,
и подарила людям лето.
Бабье.

Елена Крикливец, г. Витебск, Республика Беларусь

* * *

Созревшим боком хвастает луна.
Там, за забором, сторож неприветлив...
Но вдруг рука потянется сама
к отяжелевшей яблоневой ветви...

Никто в доме огня не зажигал,
не ждал гостей с ночного полустанка.
И не видать смурного мужика
с пристрелянной отцовскою берданкой.

Наверно, он сегодня запоздал:
в чужом саду искал хмельного счастья.
Трепещет в небе сонная звезда,
готовая сорваться в одночасье.

Застынет сердце мухой в янтаре
и вскрикнет потревоженная птица,
когда она по сморщенной коре
серебряной дорожкой прозмеится.

Луна расплавит в озере сурьму,
и я тебе, от страха обмирая,
антоновку в ладонях протяну –
и нас хозяин выгонит из рая.

Скарабей

Что же молчишь ты, создатель священных рун?
Шаришь очами по́ небу – ищешь веру?
Вот он, смотри: увязая в зыбучий грунт,
зло и упрямо натужно вращает сферу.

Страх нераздавленной мухой в груди звенит.
Красные веки в молитве горе воздеты.
Он и не знает, что солнце возвел в зенит.
Только не стоит ему говорить об этом.

Щурится сверху слезящийся темный глаз.
Видишь: уперся – которые сутки кряду...
Что ему руны, скрижали, сидур, намаз,
если таков для него вековой порядок?

Сумерки, словно песчинки в горсти, шуршат.
Клонится к западу знойный источник света.
Он и не знает, что катит навозный шар.
Может, не стоит ему говорить об этом?

Кукушка

Маятник тихо щелкал:
«Годы считаю, слышишь?»
Ведал его повадки
всякий, кто был крылат...
Эта жила в «хрущевке».
Пятый. Под самой крышей.
Тайно кормила сладким
маленьких пострелят,

что-то шептала прямо
в рыжие их макушки,
гладила им ушибы,
боль унося в горсти.
От раздраженной мамы
чуяла вслед: «Кукушка!» –
и отойти спешила,
голову опустив.

Дождь, как назло, заквасил –
целые сутки кряду.
В церковь бы надо... свечи
за упокой души...
Сонная тетка в каске.
Краска. К весне... ограду...
Скроет худые плечи
старенький крепдешин.

Ну за каким ей льдом
вести таскать с погоста?
В щели сочится старость,
студит в ночи кровать.
Выцветшим сирым взглядом
сверлит чужие гнезда...
Сколько самой осталось,
стоит ли куковать?

Баба Нина

По снегу в летних кедах в магазин –
куда такого выведет кривая?..
– Опять без шапки?
– Здрасьте, баба Нин!
(Она хоть ночью дома-то бывает?)

Бывает ночь. Бывает почтальон.
Смолит и смотрит тяжело исподлобья.
И крик в сухой гортани воспален.
И тают сны, разодранные в хлопья.

И вот опять, от боли заслонясь,
зажав часы в обветренной ладошке,
она бежит, проваливаясь в наст,
в худых, как мир, соседкиных калошах.
А баба Нина крестится вдогон:
– За десять дней – вторая похоронка...
Смолит и смотрит тяжко почтальон.
...Ступени в память высечены стромко.

Прожгли ладонь дурацкие часы
с каким-то там «лучом» на циферблате.
– Деньжат на новогодние подсыпь!
– Гони за елкой! – вызверился батя.

Мерцает шарик в вязкой темноте.
Мерцает кромка сбитого асбеста.
Часы не те. И времена не те.
А баба Нина вечна у подъезда.

Людмила Поклонная, г. Якутск, Россия

За творогом. Воронеж

За творогом, топча крупинки снега,
молочной спелости апреля удивляясь,
к открытию бреда в универсам.
И лёгкого озноба турбулентность
вчерашний перелёт напоминает,
и в воздухе, поросшем снегопадом,
стоят деревья, как перчаточные куклы,
и каждое – как чёрный человек.

Когда вчера пустилась я по небу
в побег из ледяного городка,
то думала: опустится вода
на тёплый город, оживёт лягушка
[я о себе] и в плаванье фигурном
натешится неделей дождя
[синоптики на картах нагадали],
но не сбылось, и распустился снег.

За творогом в тепло универсама
из снега, как Хаврошечка к корове
в приветливое ухо из обид
и страхов, грустной ласточкой ныряю
и выхожу с пакетом, на котором
отчасти птичье имя города. Деревья
уже не куклы злого кукловода,

не чёрные лихие люди,
а дерева как деревья. Они
спешат на месте в сторону своей же
узорчатой зелёной майской сени
для проходящих девушек в цвету.

Отметив юность кода «18»,
по деревянной лестнице взлетаю,
позвенькивая ключиком. Звения
весёлым сердцем, обретаю дом.
Пора заняться сотвореньем мира
в душе и лепкой сырников на кухне.

Мой первенец, мой сырник лучезарный
[едок проснулся и летит на свет],
ты весь в меду, ты солнцем намажен,
ты этим утром «мера всех вещей»!

Облачный сюжет

продукт животворящих облаков,
дождь свежавыжатый на завтрак подан флоре.
седое утро, настроенье злое,
гляжу в тёмнокоричневость глазков
кофейных чашек, от второй устав,
и в новом дне не вижу ни черта.
вид в зеркале – мертвяще неприличен.

но этот фреш из спелых дождевичин,
на завтрак поданный деревьям и траве,
впитал в себя неизъяснимый свет,
покуда капли зрели в облаках!

нырнуть в осадки, удивиться, как
у дерева разлаписта ступня,
к ней приникают злаки ростом с кошку.
не злись. смотри, как им не понарошку
с молекулами звёздного огня
питьё небесное из воздушной плошки.
дождись!
Дождусь
уютных лоскутков вечерних окон,
чайных пустячков
живой воды /в ней травы пахнут летом/,
и одеяла с облачным сюжетом

Горе луковое

Как между нашими сердцами
вечерний звон, ночной надрыв.

Запахнут скоро огурцами
оттаявшие льдинки рыб.

Залётка с ласкового моря,
стань в масле, рыбка, золотой!
И наше луковое горе,
ударено сковородой,

завьётся в дым, а лук – в колечки,
но это завтра, а сейчас
такое «спи, моё сердечко»
выводит радио для нас!

Ты в октябре

Отошли погоды за край тепла,
холода безбожные – дни не те.
Капюшонов тёплые купола
вознеслись над храмами сырых тел.

А твои духи горячи-громки,
зонт оранжев, курточка зелена.
Полыхнут вслед лампочке сапоги.
Ты такая совсем одна.

Ты в октябрь выходишь за порошком,
и зачем-то нужно петрушки в суп.
Псина улиц тащится босиком,
ненавидя модный твой мокроступ.
Прошуршал нелетний велосипед
чужаком на твоих кружевных путях.
Как медведь+волк он коричнев, сер,
в цвет земли и неба – не твой октябрь.

Не покинь июлей своих, не сгинь,
где ещё таким ликовать глазам?!

Озарят прихожую сапоги,
вслед за лампочкой,
все в слезах.
А в тв, смотри, показался лес
показать, что заяц не сер, а бел.

Синий-синий, невидимый в октябре,
колокольчик звенькает по тебе.

Виктор Маньков, пос. Новый, Воткинский район, Удмуртия, Россия

Зима затягивает пояс...

Зима затягивает пояс
Прикамья хваткой ножевой...
Пусть не Гиперборейский полюс,
не Заполярный, но живой

мирок закован ледоставом
в речных артериях Земли.
Стоят безжизненным составом
в отстое зимнем корабли.

Их тайный «sos» не для эфира,
за мерой с мёртвою водой,
вдали от Нота и Зефира,
ведом Полярною звездой.

Не на мели и не на рифах
они, безмолвие храня,
платя по неземным тарифам,
земных надежд не хороня,

живут весенним пробужденье
на время скованной реки
от Рождества до Воскресенья
всем испытаньям вопреки.

Судак

Ловил я в Каме судака,
дружа с удачею судачей,
и становился чуть богаче,
когда на волю выпускал
такого же из чудаков –
разудалого зорелова...
- Рождайся заново, бедовый,
из пут нечаемых оков.

Неволи пуще натошак
и для меня, браток, охота:
с голодной страстью Дон Кихота
немудрено попасть впросак.
Нить-жизнь плетёт по узелку
перипетии лет и судеб...
Ребячий клёв рыбацкой сути
непрерываем на веку.

Засим, где невод рыбака
сияет сонмищем ставриды,
я на берегах седой Тавриды
попался в сети Судака.
Там наяву, рождаясь вновь,
целя, что нажил я и прожил,
в плену свои богатства множу
у новосветских берегов.

Зрелая осень

Зрелая осень – натурщица яркая,
каждым листом озаряет с дерев,
красноречиво, восторженно якая,
юным июням носы утерев.

Ей ли в себя не влюбляться картинную,
не завораживать, не осенять,
грезящей, зрелой невесты смотринами,
словно на выданье, мир осиять.

Зримаая осень – разимаая оторопь
от предвкушения терпких сортов,
словно октябрь, откупоренный штопором,
божьим нектаром разлиться готов.

В бабьего лета сиянии благостном
трели прощальные певчих дроздов
по отзвучавшим июлям и августам,
по осмыслению вешних годов.

Скорой зимы не внимая повериям,
пьём откровение вышних Плеяд,
а свысока, сквозь века и материи,
листьями времени звёзды глядят.

Ко Дню рождения Игоря Царёва

На заре Москва в тишине предзимней,
на земле листва нарядилась в иней,
потянулся луч в поволоке сонной,
невесомое стало вновь весома.

До поры порыв стихотворной речи
в ожидании долгожданной встречи...
Колокольцев звон разольётся скоро
по родным краям, по земным просторам.

С поэтически-необъятной сцены
по-отечески улыбнётся гений,

озарив стихом города и лица,
одарив теплом для гостей столицу...

Огранённых строк смысловая гамма
с утончённостью высоты органной
благозвучием колокольной бронзы
пробуждает век закольной прозы.

Владислав Китик, г. Одесса, Украина

* * *

Закрой окно, метель и так слышна, –
В ней нечто есть от скрипки и гобоя,
Как у Вивальди. Что творить с тобою
Способна только музыка одна!

Наполнись!.. Есть у каждого из нас
Свой слух, свои излюбленные строфы!
У каждого дорога на голгофу
Своя, – не проглядеть бы звездный час.

Но нам ли ведать, что предрешено?
Вновь лето пахнет медом разнотравья.
Вдали от грома славы и бесславья
Навстречу тишине раскрой окно.

Что есть внутри, то видится вовне.
Бесценное мучительно в цене,
От лип окрестных дует ветер клейкий,
И звезды на небесном полотне
Раскладывает ночь-золотошвейка.

* * *

Солнце низко – почти у обочины,
Темный холод идет от воды.
Для кого к небесам приторочена
Одинокaя блеска звезды?

Даже свечку неровно оплавило
Наваждение смутных времен,
Где под игры подогнаны правила,
И не каждому писан закон.

Только ночь не бывает рассудочной.
Открывается небо окном.
В доме тихо, за стенами – сумрачно.
Утомленно широким крестом

В обе стороны руки раскинуты,
Будто хочешь обнять белый свет.
Все попать бы, как ангел низринутый.
Но иного спасения нет.

* * *

Пробудившийся день, колокольный,
Шумный от говорливой родни,
Будет ветер листать самовольно,
Словно книгу, дальнейшие дни.

Дремлет пруд, на безрыбье говея,
Жаждет зерен безгрешная грязь,
От предвзятости лечит идею
Синь, безоблачным счастьем делясь.

И рискнешь этим грозным простором,
Выбьешь дурь из больной головы,
И найдешь под калечным забором
Беззаботный росток трын-травы.

Так должно раствориться вначале
В золотистом настое весны
Чувство перенесенной печали
Как напрасное чувство вины.

А когда обернешься и глянешь,
Променять соглашаешься впредь
Самоварного золота глянец
На покрытую патиной медь.

* * *

Волей осени расставлены точки.
Только с нею можно так. Только с нею...
Как в тумане, расплываются строчки,
Но зато, что между ними, – виднее.

Рассмотреть подробней мир бесконвойный, –
Не случилось? Может быть, и не надо!
Все равно перед окном беспокойно
Листопады шелестят. Листопады...

И того преобладает значение,
Что сказали. И о чем – не сказали.
Постепенно ухудшается зрение.
Но становятся заметней детали.

Виктор Миронов, г. Москва, Россия

Дорога в осень

Красива просто невыносимо
В дороге осень.
Свои рубины с небес осины
Роняют оземь.
И серьги, кольца – берёзок злато,
И звёзды клёна –
Всё это вижу, летя куда-то
Неутолённо!

В зелёной хвое, смотри, рубины –
Как жаркий всполох!
Горят есенинские рябины
И синий полог!
И в этой сини – горчинка ягод
И искры истин.
Как поцелуи, на тело лягут,
На землю – листья.

В дороге осень – перед глазами,
Как фрески храма.
И можно сутками, а не часами
Пить панораму:
Кагор осины, коньяк рябины,
Мускат берёзы
Из чаши синей небес – старинной –
Где светят звёзды!

Валторна жизни

Я уникален так же, как и ты.
И в этом мире, что не нами создан,
Мы самоценны, как и все цветы.
Живём по правилам, известным звёздам.

И так же, как они, мы мотыльком сгораем.
Но уходя совсем, мы оставляем свет.
Так хочется, чтоб был неиссякаем
полёт тех звёзд, и по песку твой след!

Прислушайся, валторны слышишь звук?
В ней – дух цветов и в ней душа Вселенной.
И их преемственность улавливает слух,
Как звук валторны – необыкновенный...

Есть в каждом то, что свойственно цветам.
Есть цвет и запах, стебель есть и корни.

И каждый хочет поднести к устам –
И тот цветок, и тот мундштук валторны.
И океан, и звёзды, лес и каракумы
Единой музыкой влекомы и огнём...
Но мимо них с тобою по песку мы,
И, даже не обнявшись, вдаль идём!..

Люби меня – пока я здесь, живой! –
Пока о чуде с трепетом тоскую
И мотыльком с горячей головой
Лететь на пламя жаркое рискую!

* * *

Ты не скучаешь? Нет, не скучаю...
Просто тоскую безмерно, бездонно.
Просто мне в доме сегодня бездомно,
Радость и горе не различаю.

Просто тоскую бездонно, безмерно,
Хоть всё вокруг – спокойно, прилично.
Пусть и звучит это очень цинично,
Мне на войне было б легче, наверно...

Там всё понятно – где друг, а где недруг,
Там не запрещено – то, что запрещено.
Здесь же блуждает душа беспросветно
В скомканных полузадушенных недрах.

Сердце натёрли до боли оглобли,
Мука не лечится даже делами,
Порваны губы в кровь удилами!..
Знаю, что это – глупые сопли.

Так и не спрашивай: скучно ли?.. Скучно.
Может, мне с мятой выкушать чаю?
Осень и зиму не различаю,
Просто тоскую бездонно, беззвучно.

Сад. Сумерки. Август

После знойного дня
Вечер дарит прохладу.
Трава целует ступни,
Единство с землёй даря.
В зарослях барбариса
Стрекочут цикады.
Сумерки. Август –
Царство яблочного царя.

Я сижу на качелях, в саду. Будда.
Гляжу в жёлтые глаза курильского чая...
Вот, падает яблока звезда стремглав!..
Вдали над полем, над морем будто –
Белые силуэты чаек,
Что мне до них среди шёлковых моих трав.

Я сижу на качелях, красотой мира пленён.
Вспоминаю те, что нас рассудка без
Качали – не до небес чуть ли!..
Улыбаюсь... Можжевельник в сумерках
Так прихотливо причудлив.
Мы сажали его в начале времён.

Ах, мой сад!.. Периодически в нём
Что-то, иногда насовсем, изменяю.
К лучшему ли – время определит.
Время – это изменение во всём.
Оно не тревожит меня и
Не беспокоит судьбой атлантид.

Время есть приближение и удаление
Людей и предметов,
Рост их масштабов и уменьшение,
Часто, почти до нуля.
Время есть постоянство смены мрака и света,
В нём – радость созревшего яблока, что притянула земля.

Да, за многое отпустил страх,
Что до слёз тревожило прежде...
Чайки, что путают море с полем – кричат!.. Пусть.
Я ведь тоже ногой – на земле, душой – в небесах,
А сад мой – где-то между...
Как поёт Фрэнк Синатра – это Мой Путь.

Другого – не надо,
Этот путь – для меня.

После знойного дня
Вечер дарит прохладу.

Марина Пономарёва, г. Москва, Россия

Ирисовый эффект

В корпускулах пожухлой свидины
Последний миг летального исхода.
Прозрачность рода тает год от года.
И кажется – все счёты сведены...

В зрачках – незамерзающий цветок,
Как радиант, потерянный в потоке.
Лохматый космос мято-однобокий,
Глядит на нас безмерно одинок.
Охваченный сияньем рубежей,
Этапов, мер и жизненных отрезков,
Он словно крокус возле перелеска,
Он словно солнце между этажей.
Мельчает век, не помнящий родства.
Испорченный чумой и лихолетьем.
Повиснет карма виноградной плетью...
До пятого каления мертва.

Но в переливах страсти и тоски,
Среди семейных, сложных уравнений,
Среди тотемных кодовых растений,
Среди песков зыбучих и морских,
Найдется сын у каждого из нас.
Вобравший нас. Хотя бы фрагментарно.
Всё то, что нами сделано бездарно,
Он сделает без красок и гримас.

Алекс Трудлер, г. Беер-Шева, Израиль

рубашка

Я надену рубашку изнанкой вовнутрь,
прочитаю почище молитву
и пойду по дорогам, где курят и пьют,
пряча глубже опасную бритву.

Сигаретным приветом сигналият огни
из подвалов беспечного детства,
и визгливые крики: "Пятерку гони!" –
из окошка в тени по соседству.

Марлезонский балет, автомат ППШ,
чёрно-белые фильмы о главном...
Я листаю в дороге, почти не дыша,
деревянные ветхие ставни.

Надоело смотреть на культурный массив,
запечённый в кулич поколений.
Я опять становлюсь безнадёжно ленив,
поднимаясь по скользким ступеням.

И слышнее звучит паровозный гудок:
"Ваше время – пожалуйста – вышло."
Снова видится мне бесконечно далёк
капитан деревенских мальчишек.

Путь дочитан с листа без серьёзных помех
до абзаца, до перечня радуг.
Я надену пижаму изнанкой наверх –
может, сон будет крепок и сладок.

города

город Я встречает тебя собой
и ведёт по каменным узким тропам,
говорит – торопится, вразнобой,
как смешной торговец из конотопа.
чердаки, подвалы, разломы плит –
улыбаться пробует, улыбаться.
а внутри-то теплится? – говорит.
сколько лет? – наверное, всё же двадцать.
Ещё полон хрупких ретортных дум,
разгоняет ветер до самой сути,
надевает свой выходной костюм
и выходит вечером – "выйти в люди".

город ТЫ встречает меня тобой,
и ведёт тайком к вернисажам, книгам,
говорит с припухлостью над губой,
вспоминая детство, фонтаны, ригу.
заслоняя вывески, тень для глаз,
улыбаться пробует, улыбаться.
что снаружи? – тёплое напоказ.
сколько лет? – наверное, девятнадцать.
ещё "эр" грассирует в слове двор,
и причёска сбита навстречу ветру,
что ломает замки и сущий вздор
и уносит шляпки и сны из фетра.

город МЫ встречает ревниво нас
и идёт за нами, виляя следом,
и молчит старательно битый час,
словно наш язык для него неведом.
обнесён стеною. там – ров. там – вал.
а внутри-снаружи – толпа народа.
узелок на память бы завязал.
сколько лет? – наверное, нет и года.
ещё редок утренний холодок
за мембранной гранью дверного скрипа,
и пытается золото оселок,
чтобы нас по мелочи не рассыпать.

вечная жизнь

посреди одичавшей евразии

я ношу расстоянья в груди.
эк меня пустотой угораздило...
не судим, не судись, не суди .

Даль неверными полнится криками.
Для крещенья узка иордань .
правда око за око навывате
а как выкатит выколи глянь

рубят головы мирные граждане
чтобы дважды не чистить ножей
будут чистые их выгораживать
им бы кожи нарезать свежей

новобранцы призыва любовного
вяжут песню на горле как жгут
по углам развелись уголовники
и от запаха серного мрут

берегись миротворцев пожалуют
на разрытую землю любви
заходи на свечу запоздалую
и цветок у дороги сорви

кинь под ноги что пахнут могилами
в тёплый саван от зла завернись
рвёт рубаху прощается с милыми
непутёвая вечная жизнь

тарабарский язык

я изучаю на спор тарабарский язык,
нёбо болит, и за небо подвешен кадык,
прошлое время уныло свисает с ушей,
я выгоняю себя на свободу взащей.

я прорастаю в поля, словно чахлый бурьян,
втоптанный шагом за славой спешащих славян;
голод за тёткой, за старою бабкой с клюкой,
тянется ветром, который уснёт за рекой.

мирный будильник часами минутами спит,
чтобы его не будили за вспоротый стыд,
чтобы коровы чесали бифштексам бока
из-за незнания чётких основ языка.

я провожаю молитвами выжатый день
и поднимаюсь на новую в споре ступень,
руки по локоть в свободе свисают плетью —
я изучаю язык, позабытый людьми.

Владимир Чирков, г. Москва, Россия

В самом начале неба

«Мир устроен не так нелепо,
Как нам чудится в дни печали,
Ведь земля – это то же небо,
Только в самом его начале»
(Игорь Царев)

Отлетают последние птицы,
В голубую осеннюю небыль.
Где-то там исчезают границы,
Где-то там продолжается небо.

"Мудрецов" и "пророков" не слушай,
У судьбы не моли, и не требуй.
Где кончаются море и суша,
Там всегда начинается небо.

Не моли у судьбы и не требуй,
Чем бы годы тебя ни венчали.
Ведь земля это краюшек неба,
Ведь земля это, все-таки, небо..
"Только в самом его начале".

И не будет законов и правил
В беспредельной дали, где ты не был.
Пусть дорога тебя не оставит,
Где земля обрывается в небо...

И когда ничего не исправить,
И не нужно ни зрелищ, ни хлеба,
Пусть осенняя стая растает,
Пусть последняя стая растает
Между морем,
землею
и небом...

Света лунного пригоршня

Света лунного пригоршня вылита
Сквозь стекло в недопитый бокал.
Александр Сергеевич, Вы ли то?
Заходите же! Не ожидал...
Что не спится Вам в час этот призрачный,
Нет покоя душе почему?
И какими стихами ли, притчами,
Сердцу тешится и уму?

Будет мир, как о том мечтали Вы,
Жить в достатке? Отвечу: «Бог весть...»,
Только меньше еще, чем когда-либо,
Станет спроса на Совесть и Честь...

* * *

Пусть, не в тему пустым словам,
Не в угоду грядущей славе,
Александр Сергеич, вольно ли Вам
Всех сиротами нас оставить?!

Болью сердца молва наполнится,
Ни сгореть ей, ни расколоться...
Так привязчивая бессонница
Прорастает со дна колодца.

Вот, струна загрузит непрошено,
В тон струне отзовется дека.
Так и будет звенеть по прошлому
И болеть... до скончания века...

Два комплекта небес

«В рухлядном амбаре Георгиевской церкви Порженского погоста
находятся на реставрации два комплекта небес.
Требуется сотрудник на замещение вакантной должности хранителя»
(Прочитано на доске объявлений)

Ночью выдалось светило круглолицее,
Мне как будто бы приснилось, что не спится мне.
Мне и вправду не спалось, сердце бедное рвалось,
Сердце бедное рвалось подбитой птицею.

Разве ль мне нельзя пожаловаться Господу?
"Разведи, Господь, пожалуйста, мою беду!
За грехи мои прости, птицу в небо отпусти!
Время смутное такое, на Земле я ей покоя не найду."

"Расписные облака в небесной пропасти,
Говорит он, – есть пока еще кому пасти.
Тонок времени песок, только твой не вышел срок.
Научись, сынок терпению и кротости!

Послужить мне верой-правдою желаешь коль,
Собирайся, отправляйся в город Каргополь.
Отправляйся налегке по Онеге, по реке,
Разыщи-ко там большой амбар на бугорке.

В том ли рубленом большом амбаре рухлядном
Небеса хранятся, право слово, — «два в одном»,
Два последних небеси, что остались на Руси...
Ты прими их как положено — по описи».

С той поры уже не помню, век какой пошел.
То ли в рухлядном амбаре, то ли ветошном,
Стерегу я небеса. Здесь кругом одни леса,
Нет путей-дорог, и нету адреса...

Коли солнце улыбнется, покрасивее
Разложу я за оконцем небо синее.
Коли солнце не взойдет, то и серое сойдет,
Лишь бы ливни бы не лили,
Лишь бы ливни бы не лили бы.

Износилось, прохудилось небо синее,
Оплошало, обветшало небо серое,
Нынче встал не стой ноги,
Вот, такие пироги...
Все равно, мне оба неба дороги...

Лоза и Муза

(Послесловие к одноименному фестивалю)

Какое счастье для поэта —
Быть с Музой на одной волне!
Как славно на исходе лета
Отведать истины в вине!
О, нет прекраснее союза!
До невозможности не злой,
Я весь избалованный Музой,
Насквозь изласканный Лозой.

Ну, почему так?! Иня с Янем
Баланс не сходится во мне:
Тем меньше в Музе обаянья,
Чем больше истины в вине.
Какия сладостныя сети
Плетет прелестная Лоза!
И, погружаясь в сети эти,
Я отпускаю тормоза.

Я пьян, расхристан и разнуздан,
Мне не связать и пары строк.
И с укоризной смотрит Муза,
И все, что выпито — не в прок!
Погиб поэт! Отверзлись шлюзы.
Свой показав змеиный нрав,

Ушла отвергнутая Муза,
Ушла поруганная Муза,
Ушла разгневанная Муза,
В интимной связи отказав!

Геннадий Михлин, г. Хельсинки, Финляндия

Смычок рвал нервы

Смычок рвал нервы в переходе,
где люди в хмурую погоду
с вокзала на базар без броду
топтали снежную шугу.
Скрипач обычной той породы,
кто многие познал невзгоды,
но он играл для всех и многих,
кто с сигареткой на бегу.

Когда-то, пацаном, он слышал,
отец-скрипач играл на крыше,
а выше этой самой крыши
был только лунный небосвод.
Отец был беден, но не нищий,
и вот теперь под тусклой нишей,
мажорными тонами дышит
толпа, спускаясь в переход.

А где-то у другого входа
играла флейта для народа,
она (застенчива немного)
как будто бы звала подруг.
И оказалось, что в итоге
флейтистка – ангел, недотрога,
заблудшим душам ради Бога
дарила звуки нежных губ.

Над городом века летели,
гобои, арфы и свирели,
рожок шотландский... То и дело
звучала дудка пастуха.
Со всех окраин и пределов
своеобразные напевы
слетались дружно – а капелла
без боли, горя и греха.

Под гул органный – форте, престо
вдруг все вздохнуло и воскресло.

А что воскресло повсеместно,
то не объедешь стороной.
Но стало никому не тесно
в том мире хора и оркестра,
и дирижировал маэстро –
скрипач на крыше под луной.

Возмездие

Оставляя душу без ответа,
рядом с нами тысячи предметов,
там и здесь – на полках, антресолях.
Нет ни ностальгии в них, ни боли.

Мы бредем по жизни и не знаем –
у любви частицы отнимаем,
отнимаем – будто умираем,
усыпленные житейским раем.

И у каждой из таких частичек
место есть на полках без табличек
или где-то в ящиках комода
наберется что-то понемногу.

Ходим в доме будто бы смотрители,
не печалясь, что давно в обители
у предметов, жизненных когда-то,
вид теперь музейных экспонатов.

Но прозреем, может быть, с годами:
не снабдил Бог отроков глазами
на затылке, чтобы не смущать нас –
в прошлом беззаботных лоботрясов.

Так благодари свои созвездия,
если, повезет тебе с возмездием:
из случайно взятой с полки книжки
выпадет клочок простой записки.

Там прочтешь: «Я жду тебя в четыре...»
И... как будто все качнется в мире.
Испытаешь боль и стыд, и жалость,
что пропало все, не состоялось.

И уже покоя нет ночами,
грезятся то штормы, то цунами...
Для чего ты выпала, закладка?
Память будет мучить. Многократно.

Эго

А ты можешь взглянуть философом
на себя самого из космоса?
Кто ты, что ты, откуда, зачем?
Промелькнул, чтобы сгинуть совсем?

Человеческая эволюция!
Револьвером, поленом... замучено...
Как ни в чем не бывало, заученно,
напеваем лишь – «Bésame mucho!»

Если б было дано по жизни нам
заглянуть в глубину души ближнего,
мы б не делали много лишнего:
убоялись глядеть в душу ближнего.

(Только что это значит – душа?
То, про что говорят «ни шиша»?
Правда ли, за душой ни гроша,
ничего не найдешь, потроша?)

Объясни нам, Всевышний, по должности:
что есть грех, подводящий нас к пропасти,
про борьбу противоположностей –
между эго и искоркой совести.

Весна Финляндии

Весну от осени не отличить,
Деревья голы, мокро и уныло.
Прозрачна роща – некого винить,
Весна-ребенок что-нибудь забыла.

Над чем ты так задумалась, весна?
Ну повзрослей, ты так нетороплива!
Не ты ль сей имидж финнам привнесла,
Не по тебе ли судят, что сонливы?

Давай же, разомкни свои глаза,
Вздохни, подай свой голос птичий!
Взорвутся почки, травы, небеса,
Покажет финн характер свой практичный.

Без ярких жестов и цветастых слов,
Рожденный жить, братается с работой.
Тяжелый труд. Финн понимать готов:
Дом не согреет тот, кто беззаботный.

Не Бог подал! Теперь уж не найдешь
Избу того убогого чухонца,

Что выживал в мороз, пургу и дождь
На диво и царям, и полководцам.

Терял и снова строил, поднимал,
Финн отыскал в Европу путь свой долгий.
Мир незаметно, но естественно признал
Полет финляндских нанотехнологий.

Такая уж весна таких широт:
Скромна земля и мир суров огромный...
Но в доме спит довольный, сытый кот,
И не найдешь, чтоб пес здесь был бездомный.

И лето финское весне под стать,
Но дел полно в любое время года.
Мы можем финнам должное отдать:
«Царь» – в головах у финского народа.

Денис Садыков, г. Ижевск, Россия

Жить...

На этой станции нет места поездам,
Здесь суeta движения составов
Немыслима – пустых оконных рам глаза,
Безлюдье ожиданья залов,

За пыльной, привокзальной чертой
Сияньем серебрит загадка ночи,
Здесь место самой главной запятой,
Пред тем, как предложение закончить,

Тире – пунктиром между двух столиц,
Где точка в многоточии – «усталость»,
Асфальт шершавый – сморщенностью лиц,
Пункт назначенья?.. Остановка – «старость».

Присев на край стального полотна,
Ты смотришь вдаль, остановив мгновенье,
И веришь – жизнь не выпита до дна,
Не в силах примириться с пораженьем,

А, впрочем, полно – были ли оно?
Вдыхая дым забвенья самосада,
Ты смотришь вдаль, где свет стучит в окно,
И за руку берешь того, кто рядом.

По кругу

Где-то там шумят поезда,
Чередую маршруты судеб,
Где-то там позади вокзал,
Где поймут меня, не осудят.

В темноте прозвенит травмвай,
Диск луны воду пьет из лужи,
Впереди остановка – «Рай»,
Поздно слишком – вчера был нужен.

Мимо темных пустых витрин,
И не трезвых ночных прохожих
Я по рельсам лечу один,
Может круг мне второй поможет?

Осень... Там впереди – метель,
Запорошит рожденья муку,
На моих руках колыбель –
Запускаю судьбу по кругу.

* * *

В этот раз мы не будем спешить –
Раз-ды-шись...
Глубже вздох и на выдохе мягче,
На руках твоих солнечный зайчик,
Он еще несмышленный малыш,
Ты молчишь...

Тишиною мгновенья не сшить –
Не д-ы-ш-и!
Я в тебе целиком без остатка,
И не думал, что это так сладко,
Боль твою как свою пережить –
Будешь жить...

Невесомая лунная нить,
Глаз твоих голубые аллеи,
Взмахом кисти ресницы взлетели,
Добавляя мазки в акварель.
Повторить?..

* * *

«Детка...» – я бросил через плечо,
«Милый?..» – ты выгнулась ласковой кошкой,
Я целовал тебя горячо,
Ты поцелуи сгребала в лукошко.

«Знаешь...» – мой взгляд на пунцовом соске,
«Да?...» – ты скрываешься под одеялом,
Я тороплюсь строить дом на песке –
Близость венчаю концом... началом?

Выдох. На вдохе ментоловый дым,
Ты у окна, в руке сигарета.
Сколько с тобой мы не виделись зим?
Жалко, что это последнее лето...

Анна Ташенко, г. Киев, Украина

Непостигнутое

Беден солью насущный хлеб,
мчат года табуном зебрят.
В книге воли больших судёб
ищешь, как бы вписать себя,
беглой строчкой в чужих рядах
забывая, где низ, где верх...
Окружающая среда
недождливый сулит четверг,
вот и сохнешь на всём сухом.
Но однажды, на злобу злоб,
непостигнутое умом
прилетит в семипядный лоб –
и застынешь в седьмом поту,
к чуду близкому не готов,
перекатывая во рту
барбариски невнятных слов;
и внезапно усмотришь свет,
семицветный его раскрас,
поздним ужином съев обед –
пересоленный. В первый раз.

Веточка друида

...увидишь бешеный оскал
чудовищ – нет, не тех, из книжек –
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней...
(Наталья Крофтс)

Не жди – не расцветёт моя любовь.
Давным-давно я забрана от почвы –
когда предположительно-порочных
вели на суд под царствием дубов.

Где святость рощ горчаща и груба,
где серп лишал виновности омелу
и яблоком огромным красно-белым
бык падал оземь – там моя судьба.

Судьба казаться в малости большой,
быть срезанной и гибнущей, но важной,
в гадании на истину однажды
став частью приговора над душой*.

Горят и гаснут кельтские огни,
и снова зажигаются в подкорке...
Два берега. Три веточки покорных.
Один кричащий в воду: «Не тони!»

Размыто обвинителя лицо,
но радостью лучится неприятной.
Я знаю: он чудовище, и спрятал
за пазухой змеиное яйцо!

Из века в век он тенью злой стоит,
из века в век я в роли адвоката
чужих людей последние закаты
встречаю как последние свои...

Возможно, вовсе нет «давным-давно»,
жрецов, деревьев, рек, времён и нравов –
всего лишь одиночеством отравлен
и день, и сон... Вполне возможно, но...

Не жди. Не жди. В потоке роковом
гуманно-судным холодом убитой,
мне всё равно быть веточкой друида –
волшебной, но не спасшей никого.

** Одним из самых милосердных способов суда у кельтов считалось бросание в реку трёх веточек: от друида, от обвиняющего и от обвиняемого. Если веточка обвиняемого тонула, его признавали виновным. «Обмануть» реку в свою пользу можно было только имея при себе яйцо змеи.*

Гусыня

Ты не режь меня –
Заклюю тебя.
Если шею мне свернёшь,
Раньше времени умрёшь.
(Вильгельм Гауф, сказка «Карлик Нос»)

Негде плавать, некого нажать – ни врага, ни друга настоящего.

Люди и приправы, и ножи снова маринуют в долгом ящике,
но уйти... Так просто не уйти, чтобы не вернуться и не плакаться
у знакомой сказки на груди, и – обратно в клетку редким лакомством...
Февраля холодная печать не горит, не тонет, не ломается.
Не иначе, туфельки бельчат истоптали пол в небесной маннице –
так из неба много пустоты, странности и вредности старушечьей...
Эх, судьба-колдунья, что же ты и мою безоблачность разрушила?
В памяти – свободна, горяча, а теперь – затворница-притворщица.
Всё, чем обрастаю, в тот же час перьями гусиными топорщится,
требует чернила на крови, клятвенную веру и внимание.
А кого на слове ни слови – что животрепещет горожанину?
Как ползёт лишайник по стенам, языками льды на лужах цокают
да летят беззвучно по делам взбуженные чьи-то ясны соколы...
Над секретным прозвищем «Мими» ветер поюродствует Герасимом.
Но представлю солнечным весь мир – и учусь искусству бесприкрасному
не плевать тем, что жизнь вольёт, и не ждать, что кухня переменится –
ждать, когда спасение моё в мелкого бродягу перемелется.

Таракан

Тюрьма есть ремесло окаянное, и для скорбного дела сего
истребны люди твёрдые, добрые и весёлые.
(*Пётр I*)

Ничего страшнее тюрьмы твоей головы
Никогда с тобой не случится.
(*Вера Полозкова*)

Как только тронул оттепелью март,
преподло началась в тебе тюрьма
печально-умолчального режима.
Капель зудит: «Один. Один. Один...»
Куда по циферблату ни ходи,
решётка на душе неразрешима.

А я бельмом у тапка на глазу
в любую слабину тюрьмы ползу.
Сдирайте, щели, панцирь – мне не жалко
(чем жальче вид, тем проще впечатлить,
развѣселить тебя, развеселить,
прикинувшись бродячей театралкой)!

То прячусь в коробок как майский жук,
то крылышки напудрю – и кружусь,
влипая в кружку молью невезучей...
Ты – «бу-бу-бу, ну что за кафкин цирк»,
но замысел быстрее отдать концы
в тебе всё холодней, бледней, беззвучней.

Он пустится за беженкой-зимой,
а ты вдоль южных саженьцев за мной

сбеги посмотреться в облачко на речке!
Тюрьма твоя да будет коротка.
И только я как верный таракан
остаться в голове хочу навечно.

Сергей Ворошилов, г. Петрозаводск, Россия.

По перволедью

В луч несмелый пухом белым осыпается снежок.
Поутру спешат карелы на озёрный бережок.
Осторожно походкой проверяют тонкий лёд.
Знают все – по перволёдку окунь бешено клюет.

Холод вдарил раньше снега, в самый раз достать пешню.
Пригорюнилось Онего – приморозило клешню.
За два дня от Вознесенья встал припай до Повенца*,
как по щучьему веленью, на потеху удальцам.

Застеклило поздновато: на дворе уже январь.
Над деревней дыма вату солнце красит в киноварь.
Первый лёд колышут воды, будто нянчат малыша.
Дед Иван, забыв про годы, лунки рубит, не спеша.

Лунка первая... Вторая... Лёд со спичку. Мать честна!
Видно, как в воде играет самодельная блесна.
Стужа лезет под одёжку. Гулким эхом стонет лёд...
Оп! Упрямую рыбёшку дядя Ваня достаёт.

Смотрит ласково со взгорья стародавнее село.
Через радость, через горе жизнь течёт смертям назло.
– Что ж, дядь Вань, давай за рыбку! С полкило, поди, горбач!
Расцветает дед улыбкой: «Водку лить али первач?»

**Повенец и Вознесенье – посёлки на северном и южном берегах Онежского озера.*

Ноябрь в Заонежье

Где средь воды несут дозор
три валуна с моренной груды,
утих, закашлявшись, мотор.
Покой и гладь у рыбной луды*.
Молочен воздух. Пеленой
с небес свисают гроздья снега,
а в дно кижанки** подо мной
скребётся сонное Онего.
В тиши весла унылый всплеск,
глухое звяканье уключин.

То ль чешуи зеркальный блеск
глаза слепит, то ль снег колючий...
Плыву я будто в небесах,
попав под саван белоснежья.
Шуга шуршит ли, голоса
ушедших душ из Заонежья.
Скатало небо в снежный ком
что есть и быть могло в начале:
хоть с предком не был я знаком,
но вместе нас волна качает.
Крещённые одной водой,
мы грезим в думах о Завете,
и Пётр, апостол молодой,
рукой нам машет, ставя сети.

** Луда (сев.) – каменистое, удалённое от берега мелководье.*

*** Кижанка — тип лодки у жителей Заонежья.*

А люди жили в городах...

Скользила в розовых волнах
ладья заката,
и сёмгой прыгала луна
по перекату.

Шептал воде в который раз
признанья камень,
и в глубине озёрных глаз
играло пламя.

Вздыхали мокрые дрова
в костре устало,
и родниковые слова
журчали в скалах.

Качалась сонно пелена
уснувших лилий,
и раскрывала тишина
над миром крылья.

А люди жили в городах,
не веря в чудо,
и всё спешили в никуда
из ниоткуда...

Созерцательное

День воскресал, дав передышку мгле.
Жил мой костёр...

Огню подставив спину,
я наблюдал, как вяжет паутину
древнейший ткач на матушке-земле.
Маячил сквозь сплетённое окно
берёзы силуэт полураздетой.
Шуршал наряд, и сыпались монеты
на тонкое паучье полотно.
Всему свой ритм в «процвести и умереть»:
лес засыпал, устав над златом чахнуть.
А день светлел, и мудрая арахна*
на сонных мух раскидывала сеть.
И, как всегда, белели облака,
синела глубь небесного колодца.
Тьма отступала, и играло солнце
мячом-росинкой в сетке паука...

** Арахна — паук.*

Маргарита Бахарева, г. Москва, Россия

Вязаное небо

Когда с обветренной землёй простится осень поцелуем
и растянувшись, облака повеют — холод неминуем,
я сяду в кресло у окна вязать для нас с тобою небо,
взамен хандрящего пока. Надеюсь, справиться до снега,
до вьюг, что путают следы и кружат окоём в бесцветии,
до стужи, ранящей умы в столь молодом ещё столетии,
до странных ледяных дождей, что кроны превращают в люстры,
а город наш родной в музей, шаги где раздаются хрустом.

Я постараюсь всё связать — мечты, надежды, ожидания:
надежду — младший даст поспать, а старший, без напоминания
уроки сделает один и уберёт свои игрушки;
мечту — здоров чтоб каждый был всегда от пяток до макушки;
удачу — получился торт и старые мне впору платья;
и радость — кончился ремонт и всё смогу теперь убрать я;
любовь — конечно, без любви становится иное тусклым.
Как хорошо, что вместе мы так часто сходимся во вкусном —
мы ожидаем от судьбы одних и тех же вдохновений.

Я справлюсь, справилась почти. Но, если вдруг мороз сомнений
начнёт заковывать всё в лёд — расправлю вязаное небо.
Под нашим небом хворь пройдёт, а из подтаявшего снега
с детьми наклеим снежных баб, снеговиков и куклу Зину.
И согревая счастье так, переживём любую зиму.

Чумазое завтра

Милая Белла, сегодня не тошно со скуки.
Белое небо с утра, как огромная простынь —
всем обещает любви. Тянут яблони руки
ветками в лайковых, чёрных, длиннющих перчатках.

Милая Белла, весна опустилась внезапно,
рваной улыбкой земли, оголяющей дёсны.
Плотью своей вдохновляет чумазое завтра,
чтобы оно зацвело на вчерашних остатках.

Белла, родная, тебе ли не знать, что невинность —
это всего лишь стежок у немого хирурга.
Я и не помню, когда в первый раз с ней простилась
с местным учёным, ладони сверяя по книжке.

Я не скучаю — тепло обнимает колени.
Жаль только не с кем мечтать. Перелётные птицы
славно гнездятся. Ты помнишь, на них мы смотрели
и загадали родить в один день по мальчишке.

Курилы

Там где рифмуют синь и благодать
со смыслом книг Харуки Мураками,
раскуривает мхи японка мать,
пуская облака над островами.

Там сложен быт, как древний иероглиф,
за душу ничего не продадут.
И солнце опускает свой половник,
черпнуть себе креветок в мисо суп.

Чёрный чай

Играют тени на стене
и я на тень сию похожий.
Я никого не жду к себе
и не включаю свет в прихожей.

Мой собеседник черный чай,
полно с ним тёплых разговоров.
Как выразительна печаль
в бемолях струнных переборов.

Как бесконечно нелюдим
бывает нынче телевизор,
Мы гармонично с ним грустим
в неверии его репризам.

Как радуется книжный шкаф,
пропал мой интернет дремучий,
и души книгам полистав,
я понимаю, что везучий.

Кромсая ночь на лоскутки,
сшиваю жизнь, пусть неумело.
Наверное, мои грехи
меня ругают то и дело.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРНИР имени ИГОРЯ ЦАРЁВА «ПТИЦА – 2018»

Марк Шехтман, г. Иерусалим, Израиль

Победитель поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2018»

Конкурсное произведение

Фламинго

Фламинго был похож на нотный знак –
Как будто Бах в заношенном халате,
Склонив над партитурой колпак,
Черкнул пером на розовом закате.

Мой век мне много дивного явил,
Но никакая музыка не пела,
Как эта, где строку благословил
Небесный ключ фламингового тела.

В изгибах шеи, в линиях крыла
Иных миров здесь царствовали меры,
И в их непостижимости была
Соединённость грёзы и химеры.

И столь полна возвышенных тревог
Казалась мне пернатая токката,
Что я подумал: это Бах и Бог
Играют вместе музыку заката!

А птичий клюв, гармонию презрев,
Зарылся, чёрный, в радужные пятна;
И был фламинго – как живой напев,
Как fuga, что светла и непонятна...

Подборка стихотворений Марка Шехтмана

На смерть Евтушенко

И он ушёл – несбывшийся мессия,
Вонзивший в нашу память, как стилет,
Что идут снэги белые в России
И что поэт в ней – больше, чем поэт.
Честолюбив, хотя собой невзрачен
И несколько, пожалуй, узкогруд,
Он был в писаньях звонко однозначен –
Без многоточий, слабостей и смут.

В ту оттепель в отечестве подталом,
Привычном к диктатуре и войне,
Не тайное читателю шептал он,
Но грохотал народу и стране.
В расчёте на века и легионы
Себя он вышней участи обрёл,
Стихами наполняя стадионы
И рифмы заготовливая впрок.

И мы в преддверье нового морозца,
Сутулясь под болоньевым плащом,
Признали в нём поэта, знаменосца,
Актёра и бог весть кого ещё.
И очень быстро позабыв, что гений
Великой безыскусности сродни,
Он разучился жить в тени сомнений
И просто разучился жить в тени.

Как парус – исключительно по ветру! –
Его тащил к рукам приросший флаг.
И что осталось признанному мэтру,
Помимо наступлений и атак?
А ветер дул в безвременье и горе,
В раздоры наций, в горький эпилог,
И замолчали все фанфары вскоре,
А на свирели он играть не мог...

Потом, когда страна упала в кому
И злые тучи небо замели,
Он тихо удалился в Оклахому
На дальнем полушарии Земли.
Себя читал подолгу – и казалось,
Что он, как прежде, громок и велик,
И больше ничего не оставалось
Ему среди своих умолкших книг...

Недавно прозвенел надмирный зуммер,
И он ушёл в сияющий проём.
Пророк? Паяц? Актёр? – но вот он умер,
И мы с печалью думаем о нём.

Постижение

Погашен свет, закрыта книга,
И медленно входили в дом
Звезда, и тихий шум арыка,
И три чинары за окном.

Они меня не замечали,
Но я к их таинству приник...

Я слышал, как они звучали –
Звезда, чинары и арык.

И в их ладу, октавой выше,
Сквозь фонари и провода
Сверкал полёт летучей мыши
Из ниоткуда в никуда.

Так я влюблялся в мирозданье,
В его звезду, в его весну,
И в тени, и в воспоминанья,
И в шепчущую тишину.

Мир был и вечностью, и мигом,
И нераздельны были в нём
Мы со звездой, и шум арыка,
И три чинары за окном...

Мальчик на холме

Мальчик смотрит с вершины крутого холма
На колеблемый памятью город и век.
Там живут папа с мамой. Там детство, зима,
Развесёлые санки и радостный снег.
Там обломок сосульки прозрачен и чист,
Там Кощея разит удалой молодец,
И везде на портретах, усат и плечист,
В звёздном кителе Сталин – наш вождь и отец...

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Время юности. Смута желаний и дел.
Что-то буйствует в недрах души и ума,
Не совместное с сереньким словом «предел».
В лексиконе – «галактика» и «звездолёт»,
В моде – джинсы, дерзания и неуют,
И Высоцкий в кассетнике хрипло поёт
Про разорванный парус и горный маршрут.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Бомбы, лозунги, съезды, всеобщий молчок.
Встанешь утром – в газете чернеет кайма:
Мол, скончался и этот генсек-старичок.
Ну да нам всё одно. А в империи сплошь
Воровство, пустословье, разор и раздор,
И пытается скрасить партийная ложь
Вечный неурожай и афганский позор.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма
На страну трёх морей и десятка пустынь,
Где на склонах, как овцы, толпятся дома
И глядят кипарисы в небесную синь,

Где ведётся летам с Сотворения счёт,
Где беседуют с Господом подле Стены,
Где верблюдница-вечность устало бредёт
По колючим пескам от войны до войны.

Мальчик смотрит с вершины крутого холма.
Годы тают, как звёзды в рассветной реке.
Не сбылись, слава богу, сума и тюрьма,
И два внука растут, только жаль, вдалеке.
А когда приезжают – тогда кутерьма,
От которой теплеет в душе и в груди!
Мальчик смотрит с вершины крутого холма,
И не хочется верить, что жизнь позади.

Модильяни рисует Ахматову

Так – белых птиц над океаном
Неразлучённые сердца...
(А.Блок)

Модильяни рисует Ахматову.
Крут и нежен изгиб бедра.
Поцелуи на коже матовой
Не успели сгореть с утра.
С покрывала запястье сброшено,
Смята простынь, узка кровать...

Долго, долго любовное крошево
Будут оба перебирать.
Будут души их пальцами памяти
Вновь тревожить мгновения те,
Что остались в парижской замяти,
В монпарнасовой суете
Где на трёх по четыре гения
– что за блуза! и трость! и бант! –
Где в абсенте ищет прозрения
Каждый новый босх или дант.

Столько глав у любого романа,
Сколько их любовью дано.
Возвратится в Россию Анна,
Амедео женится – но
Дрогнет строчкой горестно-нежной
Стих её через много лет.
У него вдруг линией прежней
Отзовётся чужой портрет.
Много бед у века двадцатого
Уготовано им... А пока
Модильяни рисует Ахматову.
Смята простынь, кровать узка.

Юлия Резина, г. Нью-Йорк, США

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2018»

Конкурсное произведение

Привкус счастья

Когда, себя преодолевая,
Взойдёт луна и упадёт
Последний луч её, срывая
Звучанье нежно-синих нот
Святейших льдов, тогда на баке,
Где темень, трос, брезент, навес,
Зевнёт и заскулит собакой
Ночной тоски бездомный бес.
И я за ним замороженно
Пойду и стану в тишине
Смотреть как мечется зелёный
Огонь звезды в седой волне...
И трав придонных зелье злое
На взлёте вдоха, дне глотка
Наполнит душу свежей болью
О том, что стрелка коротка,
Но механизм её исправен –
С часами плюсовать года,
Что расставания звезда
С младенчества висит над нами,
И оттого бездомный бес скулит
И душу рвёт на части,
А в горле третью ночь стоит
Солоноватый привкус счастья.

Подборка стихотворений Юлии Резиной

Прописи

Осеннего сонного солнца слюда.
Следами разгульных налётов Борея –
Рябиновый град, георгинов беда,
Кленовая алая кровь на аллеях.
На мельницу слова мой Сказочник льёт
Дары откровений, видения сада,
И птиц для меня поднимает в полёт,
И волны возводит в крещендо, глиссандо...
В подробностях требует срез тишины
Представить под утро без лишних вопросов
И сотню оттенков ущербной луны

На грани рассвета у плёсов белёсых.
Мой Сказочник добр, и его веселит,
Как я постигаю небес псевдонимы –
И в прописях жизни: не хлебом единым, –
Пишу под диктовку, – жив, дышит пиит...
И думаю: верно, не хлебом единым,
Пока синим пламенем время горит –
Нелепой любовью и синим массивом
Ледовых морей, и осенней осины
Серебряным эхом, и эхом Марины –
Салютом рябиновым, неугасимым...
Земным одиночеством, нерасторжимым...
И росчерком мимо косых – некрасиво,
И дальше, и больше, с нажимом, курсивом...

* * *

О, музы времён листопада –
Крылатое слово лови! –
Летит золотая армада
По волнам разлада, распада,
И всё – о любви, о любви,
О лютых лавинах сирени
И лунных истоках родства...
А жизнь – череда поколений,
И сага «О жизни растений»,
И мёртвая эта листва...

Московская снегурочка

Снежная ретушь на ржавую жечь –
С щедростью жеста божественной милости...
Снежное эхо – тишайшая весть
Освобожденья от тяжкой повинности
Стойко сносить оголённость дерев,
Красок ущербность, дорожное месиво...
В сон опадая, устав, присмирив
Вьялица снежные нити развесила –
Снежный шифон на берёзе фатой,
Снежный шиньон у летящей снегурочки,
В ночь уносимой московской тщетой,
В прошлые вековые дворики, улочки.
На фонарях там висит по луне –
Жидкий янтарь на небесное крошево,
И в тишине ты скользишь по волне ...
Имя тревожное сладкой горошиной
На языке. Пелены полотно:
Призрачной тенью прохожий простуженный
И путеводной звездой окно...
Кто он, жемчужина? – Ряженный? Суженый?

Ах, как слепила твоя белизна...
Времени омуты, поздние бдения.
Штофы февральские пили до дна...
Памяти камень – камина гудение...

Слово

Это слово – на ветер, на ветер –
В ретро давних (чернилами!) строк,
Это – вечного времени вертел –
Между датами в прочерке – рок.
Это просто сюжет бесконечный
Для пропойц и пьеретт, и пьеро.
На струне перечёркнутой встречи
И ликует, и пляшет перо,
И выводит припев колыбельной,
Только лунный поспеет калач,
Для тебя, в тридевятой вселенной:
«Всё пройдёт (всё проходит)... Поплачь...».
Просто слово: на жизнь и бессмертье –
Канители серебряной вязь...
Не тебя ли в ушедшем столетье
Окликнула любовь: «Здравствуй, князь!»?
Неподвластное мерам химеры,
Безвозвратно слетевшее с уст...
Это звонкое слово: «К барьеру!»,
И тишайшее: «Я не вернусь...»
Тишина... Серебро-колокольчик:
Доли, боли, неволи больней,
Пьяно-пьяно, пьяниссимо, дольче –
Дольче взгляда, прощания дольше,
Дольше жизни – печали о ней...

Сергей Пагын, г. Единцы, Молдова

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2018»

Конкурсное произведение

* * *

И возникает тишина...
Среди разора и разлада
стоит высокая она
перед началом снегопада.

И свод небесный отворён,
как дверь родительского дома.
Там некто, чист и удивлён,

с порога сходит невесомо.
И шепчем мы: «Смотри-ка, снег...»,
прервав по улице движение.
И верит старый человек
в печальный свет преображенья,

что он – ребёнок у окна
с пиалой маминого чая...
Нам всем казалось – тишина,
а это музыка звучала.

Подборка стихотворений Сергея Пагына

* * *

Моя душа пустячное любила:
в продольных трещинках хозяйственное мыло,
оставленное кем-то на полу,
на верстаке светящуюся стружку,
щербатую, надтреснутую кружку
с чайнками, прилипшими ко дну.
Родство ли это, давнее желанье,
чтоб в замкнутой глубинке мироздания,
где снег стоит, как в стылой бане дым,
и день проходит меж ночами боком,
предельно личным, милосердным Богом
я так же был замечен и любим?

* * *

Горький дух ночного чернозёма
входит в человеческие сны.
И весна невнятна, невесома,
но уже понятны и родны
вздох воды, что спит в железной бочке,
и озноб берёзовой слезы,
и неспящей виноградной почки
сладкий зуд, бегущий вдоль лозы.
Дрожь ростка и тёмный трепет праха
слиты в ожидание одно.
На верёвке светится рубаха,
словно в невозможное – окно.

* * *

Ничего не меняется в мире Твоём.
Та же осень как вечность назад.
Те же люди у рынка с нехитрым добром,
ожидая автобус, стоят.

И в руках у них мётлы, корзины, тазы,
а в пакетах – конфеты и мёд.
Вон две вазы – две синих огромных слезы –
в сумку девушка нежно кладёт,

и старик молодильное яблоко ест,
черенок от лопаты неся.
Он не станет моложе и радостней здесь,
а туда ещё, видно, нельзя,

где жена режет хлеб, где за белым столом
неподвижна печальница-дочь...
Ничего не меняется в мире Твоём,
только ветер проносится прочь,

только птицы летят в незнакомую даль
в небесах, где ни сада, ни дна.

Сохранить бы мне, Господи, эту печаль,
только так, чтоб светилась она.

* * *

Будешь ты водою... Из темноты
вдруг тебя поднимут в бадье на свет –
небосклон закатный увидишь ты,
золотой, не виденный столько лет.

И к тебе потянется высота,
и лицо проявится из неё,
и светло коснутся тебя уста,
что не помнят имя уже твоё.

Отразив, с собою не унесёшь
ни лицо склонённое, ни зарю.
Но какая долгая будет дрожь
прошибать глубину твою!

Наталия Прилепо, г. Тольятти, Россия

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2018»

Конкурсное произведение

Сбереги меня

Сбереги меня, милая, сбереги
В заповедном краю, где кипрей зацветает вспять.

Где гремучая ходит река, искажает гладь,
Чуть дотронувшись холодом до руки.

Стереги меня, милая, стереги.
Сонный воздух размыт и как будто сошёл на нет.
Утонувшее солнце закатно кровит на дне,
Создаёт полукружия и круги.

Разыщи меня, милая, разыщи,
Если снова уйду по вчерашним своим следам.
В обмелевшем колодце седая жила вода,
Стала мёртвой, не движется и молчит.

И дыханьем, горючую, не согреть.
Утекает с ладоней, оставив тягучий ил.
Кто-то медленно шьёт меня в десять беззвучных игл.
С каждым разом мучительней и острей.

Разыщи меня, милая, разыщи.
Состоя из пустот, я совсем лишена примет.
То болотная выпь, то блуждающий топкий свет,
Что от белого дыма не отличим.

Тропы делятся, делятся на шаги.
Сквозь меня прорастает стеблями разрыв-трава.
Остывает живучего солнца сырой овал.
Сбереги меня, милая, сбереги.

Подборка стихотворений Наталии Прилепо

Небо до края

Небо до края мутную воду льёт.
С улицы тянет ржавчиной и гнильём.
Руку подставишь — сплошь дождевая сыпь.
Небо темнеет. В стену стучат часы.
Крошится рама, рыхлая от воды.
Отчим с работы снова вернулся — в дым.
Высыпал на пол старый карманный сор
И сигарету выкурил мне в лицо.
Вспомнил по имени. Я его — как огня.
Что-то неловкое выросло из меня.
Думала, вспыхну клевером в полный рост.
Но постепенно что-то не задалось.
Трескались тропы сетью сухих морщин.
Синее платье, жёлтые кирпичи.
Пыльно от бега. Ветер звенел в ушах.
Солнце катило следом белёсый шар.
Рваные ленты, выцветшее лицо.
Склеивал пальцы горький цветочный сок.
Думала, выстрелю в небо хоть вкривь, хоть вкось.

Но постепенно что-то оборвалось.
Кутаться в тёплое, прятаться, где темно.
Отчим неделю будет лежать больной.
Виснет верёвка, на пол течёт бельё.
Мама стирает серый постельный лён.
Деньги – на новое, на себя – рукой,
Солью – на пригоревшее молоко.

То не птицы

То не птицы, камешки – по стеклу.
Тени искажаются и дрожат.
«Неживая девочка, выходи!
Выходи, проклятая!» И бежать.

Но один – горячую топчет пыль.
Имя с каждым выдохом – солоней.
В горле – комом, трещиной – на губе,
На ветру – обрывками, словно снег.

Снег не чуял землю и шёл насквозь.
Беззащитно плавился под рукой.
Гаражи царапали облака,
И на крыши капало молоко.

Тонкий шрам – отметина жожака.
Косы туго путались, как бинты.
«Попляши, Снегурочка, попляши!»
Босиком по белому – в чёрный дым.

По-собачьи скалились на огонь.
То ли смех проскальзывал, то ли лай.
Сухостоем вспыхнула высоко.
Ядовитым пламенем занялась.

То не птицы, камешки – по стеклу.
Тонкий шрам-отметина, в горле – снег.
«Неживая девочка,пусти!»
Ветер имя – клочьями, глух и нем.

В полдень

В полдень у старой вишни – рябая тень.
У детей в волосах – выгорающие полосы.
Талое солнце – в глазах, как в большой воде.
Щеки черны от пыли, а плечи – остры.

Ниже травы, под сухой прошлогодний лист,
Под узловатый корень, под тёплый камень

Птицу из рода седых безымянных птиц
Бережно прячут коричневыми руками.

В тёмную лунку – мёртвой спиной вверх.
Под земляное сердце – пустое тело.
Вишня на лица детей пропускает свет,
Тихо дрожит и на головы сыплет белым.

Вдребезги

По-птичьи в окна –
бежевый рассвет.
Болезненная детская привычка
летать во сне
почти сошла на нет.
Почти сошла...
Взрываю вверх тряпично.
Но непреодолим пижамный плен
над пустотой расхристанной постели.
По стёклам – ветер
выдоха теплей.
По телу – дрожь –
предчувствие паденья.
Свернуться камнем за секунду до
на высоте звенящей,
голубиной.
И станет воздух медленной водой,
Зыбучим льдом,
прозрачным до глубин, и...
Вдребезги.

ПРИЗ СИМПАТИИ «ПЯТОЙ СТИХИИ» участнику конкурса «ПТИЦА-18»

от члена жюри «ПТИЦА-18» **Ирины Царёвой -
Елене Севрюгиной** (г. Мытищи, Московская обл., Россия)

Конкурсное произведение

Когда придёт последняя зима...

когда придёт последняя зима
с холодным снегом, выпавшим внезапно –
диск солнца тихо скатится на запад,
туда, где сны ссыпает в закрома
безликая, безжалостная тьма.

когда под бледным светом фонаря
промчится тенью сумрачный прохожий,
я осознаю сердцем: «Мы похожи.
сгорая в белом вихре декабря,
мы верим, что огонь горит не зря».

очерчен путь – и стоит ли стенать,
что, хрупкий свет теряя по крупице,
сердца людей не вечно будут биться,
поскольку вероломная весна
не сможет всех одаривать сполна.

ещё не время выжить из ума,
ещё душа течёт ручьями строчек,
но мойры нить становится короче.
наступит день – и я пойму сама:
пришла моя последняя зима.

Подборка стихотворений Елены Севрюгиной

С утра метёт...

С утра метёт. Ты в метре от метро,
где турникет – залапанный Харон –
молчанием приветствуя народ,
бумажной дани требует на входе.
Дешёвым кофе тянет из бистро,
и, «contra» перемешивая с «рго»,
играет в застарелое таро
сутулый день – такой обычный вроде.

И хочется кричать сквозь толщу лет,
что ты нашёл потерянный билет,
В руке неловко скомканный билет –
твой постоянный пропуск в подземелье
и верный шанс, что там (идите на)
тебя найдёт такая глубина!
И сладко жить надеждой, что она –
твой тайный Амстердам и милый Мельбурн.

Выходишь вон – и снова на мели,
где правят бал копейки и рубли,
где в сотый раз кого-то понесли,
где твой успех твои же тупо слили...
А ты идёшь – вздыхаешь, но идёшь,
усталый ошестинившийся ёж,
и, возвратясь домой, по сути бомж
от пустоты и тщетности усилий.

Да будь он хоть Лас-Вегас, хоть Тибет –
теряется в потасканной судьбе
простая фраза – лучшее в тебе.
Но, даже не задумавшись, в тебе ли,
ты верил: жизнь – зачуханный вокзал,
забыв о том, как много лет назад
плескался космос в ласковых глазах
и чутко мир дремал у колыбели.

Человечек мой...

человечек мой... человек мой...
и сказать-то как будто нечего –
раскололись на «я» и «ты».
вроде латано, вроде лечено,
но грустит ангелочек вечером –
неземные глаза пусты.

но сказать-то как будто надо бы...
тучи мечутся над Анадырем,
в море баржи врастают в лёд,
мерзнут домики за оградами,
в небе выгнувшись чёрной радугой,
разрастается рагнарёк.

расставанья фрезой резвою
я себя по живому резала,
рассыпался по сердцу снег –
разрывалась над снами-безднами,
усмиряла себя да без толку...
был – и без вести... был – и нет...

не найти тебя – горе. горе ли,
что во мне бесконечно спорили
север, запад, восток и юг?
старых весен сгорает чучело
выбегают из чумов чукчи и
горловую тоску поют...

колыбельную баю-баиньки
я пою тебе, милый, маленький
на Чукотке настала ночь...
я бы свет погасила в спальне,
а под утро сваляла валенки –
только нету меня давно...

Неколыбельная

долго-долго не спи –
обернись, посмотри, повтори

песню-мантру ветров, что стучится в коралловый риф,
и молитву зари – ту, что небом встревоженный гриф
унесёт в neverland или в нервный ночной тель-авив –
твой рассвет так прекрасен и свеж – тут терпи-не терпи...
крепко-крепко не спи
сладко-сладко не спи,
чтобы в чаше небесных весов
свято грезить, что это не сказка и даже не сон,
что твоей вековой немоты отворится засов
и затихнет биение старых безумных часов,
чтобы ветром сорваться с давно надоевшей цепи –
свято-свято не спи
ветхо-ветхо не спи –
стерхи солнца садятся на снег –
значит, снова не спать и сто раз просыпаться во сне,
значит, сердцем эсфири – разнузданней, звонче, тесней –
прижиматься к твоей первородной и страстной весне...
этой радостью ветхозаветной себя окропи,
но не вздумай, не спи...
веще-веще не спи –
вещи тоже хотели бы знать,
как срывается с видимых форм вопросительный знак,
как внутри допоздна тихо спорят луна и луна,
как легенды забытой итаки поёт тишина...
пусть случайный сирокко свистит, ударяясь в сосну,
как ты вновь не уснул...
как ты сладко вовек не уснул...

КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ – 2018»

детское творчество

От конкурсной комиссии

От всего сердца поздравляем участников ДЕТСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА, прошедшего под девизом «ГЛАГОЛЬ ДОБРО» с достигнутыми результатами! «Глаголь добро» – это строчка из стихотворения Игоря Царёва «Азбучные истины»:

Азбучные истины

Тысячелетия – не старость,
Мы – гой еси!
Ведь не усталость нам досталась
От той Руси,
Где песни пели, меды пили,
Где «шли на вы»,
Где мудрость добрую копили
Ее волхвы.
Пока меняли скифы, айны
Черты лица,
Хранила азбучные тайны
Кириллица.
Не балалайки и медведи,
Не хлебный квас –
Колокола «аз, буки, веди»
Спасали нас.

Не разменяй звук мудрой меди
На серебро,
Зубри школяр: «Аз, буки, веди»,
Глаголь добро!

**Буквы древней азбуки похожи на завет наших предков: аз, буки, веди, глаголь, добро...
(Если буквы ведаешь, глаголь добро)*

Мы поздравляем Победителей конкурса:

в категории «Детство» – до 10 лет – **Максимову Микаэлу, 7 лет,**
в категории «Отрочество» – от 10 до 13 лет – **Заозерскую Веронику, 12 лет,**
в категории «Юность» – от 14 до 17 лет – **Рыжих Никиту, 17 лет.**

От души поздравляем финалистов конкурса:

Подгорнову Анну, Выготского Илью, Чеботаеву Светлану, Пак Карину,
набравших наибольшее количество баллов.

Однако по самому большому счёту **главным победителем стала поэзия**, в которую каждый из вас внес свой посильный вклад.

Давайте, посмотрим вокруг и поймём,
Ведь мир наш прекрасен, мы все здесь живём.
Общаться начнём не Вконтакте, друзья,
Ведь больше так жить нам, поверьте, нельзя!

ПОБЕДИТЕЛЬ в категории «Юность»

Рыжих Никита, 17 лет, Украина

Блоку

И вдруг вонзится солнца клочок,
Как пуля, в сердце лета...
Совсем не мрамор этот Блок –
Внутри душа поэта.

Вполне возможно, в этот час,
В июльский тёплый вечер,
Один из нас, из многих нас,
«Спасибо» пролепечет,

А поздней ночью, перед сном,
Воскреснет память наша,
И хор, уставших за день ртов,
Прошепчет тихо: «Саша...».

ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА

Подгорнова Анна, 9 лет, г.Тольятти

Пасха

Чредою белой облака
Плывут к стране какой-то дальней.
Звонят во все колокола
Сегодня праздник долгожданный.
И видим мы врата небес
В той облаков завесе...
Слышим везде: Христос воскрес!
– Воистину воскрес!
А на столе кулич стоит,
И благовест поётся...
За окнами капель звенит-
Как будто бы смеётся.

Не знал никто таких чудес,
Ожил, хоть был распят.
И слышен глас: Христос воскрес!
Во правду говорят!
Чредой сизой облака
Плывут в дали хрустальной,
Ещё звонят колокола-
Красиво, музыкально.
И открывает тайны лес,
Смеётся поднебесье...
Гласим и мы: Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Выговский Илья, 12 лет, г. Владивосток

Путин

Наш Президент для нас герой, он дальновидный, честный, строгий,
Живет народною судьбой, ведет нас верною дорогой.
У нас с ним общая судьба, у нас единая дорога.
Творим великие дела – проблем в России очень много.

Да, он попал в правление в трудный час, заступником он стал земли Российской.
Он стал отцом для каждого из нас, советчиком и другом очень близким.
Он правит обществом людей свободной воли, духовно он Россию возродил,
Он стал для нас примером и героем, он русский Крым России возвратил.

Смеялся всякий нам сосед и кукиш казывал вослед,
Но не позволил Президент, чтобы чинили русским вред.
«Пришел с мечом? С мечом уйдешь, неся его в спине согбенной!
Границы русские для всех отныне неприкосновенны!»

Сверкнул глазами Президент, и недруги притихли разом.
Не воспротивятся вовек его суровому приказу!
Он миротворец и герой, он рыцарь правды и свободы,
И за него стоят горой освобожденные народы.

Я не могу писать красиво, но знаю я наверняка:
Пока он жив – жива Россия. Жива Россия – жив и я!

Чеботаева Светлана, 13 лет, г. Иркутск

Вечерний лес

Вот он – холодный и туманный
Лес тихий, мирный и спокойный.
Но птичка прокричит неожиданно –
Вновь пробужденье в роще хвойной.
Медвежий шорох неуклюжий,

Лисица быстро пробежала...
Следы в лесу – до первой стужи,
Готовность на ночлег настала.

Вечерний лучик солнца красный,
Затем и звездный небосвод,
И вой волков аккордом страстным –
Так сну в лесу настал черёд.

Карина Пак, 10 лет, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Осенняя пора

Пришла осенняя пора,
И я смотрю в окно.
И что же вижу я?
В серые полотна одеты небеса,
В золото и бронзу одетые леса.
Плачет о лете ива,
Склонившись к водной глади.
Рыбак плывет на лодке,
Лишь улова ради.
Пожухлая трава, с птицами прощаясь,
Кланяется земле, коврами устилаясь.
А через ленту-речку – пшеничные поля,
Там столько колосков, что уж и счесть нельзя.
Вот она какая осенняя пора!

ПРИЗ СИМПАТИИ «Юному таланту с пожеланием большого творческого пути»

**от учредителя «Пятой стихии» Ирины Царёвой
– Подгорновой Анне (стихотворение «Пасха»).**

Вы все молодцы, ребята! Берегите и развивайте свой дар слова, а мы будем верить, что наступит время, когда имя каждого из вас зазвучит в полную силу!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очередность расположения произведений в каждом разделе сборника никак не связана с рейтингом конкурсных работ.

Всех участников мы благодарим за радость общения с их творчеством и желаем новых творческих успехов! Верим, что с нашей лёгкой руки их движение к своему читателю наберет скорость!

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ	2
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ	8
ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2018 года.....	9
Александр Попов (Гинзберг), г. Москва, Россия.....	9
Александр Крупинин, г. Санкт-Петербург, Россия.....	15
Любовь Левитина, г. Ашкелон, Израиль	20
Вера Суханова, г. Смоленск, Россия.....	28
Галина Булатова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.....	32
Виктория Смагина, г. Томск, Россия	38
Ольга Кочнова, г. Тверь, Россия.....	43
Карцев Соэль, г. Дортмунд, Германия.....	46
Павел Великжанин, п. Великий Октябрь, Волгоградская обл., Россия.....	52
Соболев Александр, г. Ростов-на-Дону, Россия	56
Ирина Большакова, г. Санкт-Петербург, Россия	58
ПРИЗЫ СИМПАТИИ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА.....	60
ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»	61
Татьяна Комиссарова, г. Москва, Россия	61
Владимир Кетов, г. Гамбург, Германия.....	63
Юрий Макашёв, г. Барнаул, Россия.....	65
Елена Крикливец, г. Витебск, Республика Беларусь.....	68
Людмила Поклонная, г. Якутск, Россия	70
Виктор Маньков, пос. Новый, Воткинский район, Удмуртия, Россия	73
Владислав Китик, г. Одесса, Украина.....	75
Виктор Миронов, г. Москва, Россия.....	77
Марина Пономарёва, г. Москва, Россия	79
Алекс Трудлер, г. Беер-Шева, Израиль	80
Владимир Чирков, г. Москва, Россия	83
Геннадий Михлин, г. Хельсинки, Финляндия	86
Денис Садыков, г. Ижевск, Россия.....	89
Анна Ташенко, г. Киев, Украина.....	91
Сергей Ворошилов, г. Петрозаводск, Россия.....	94
Маргарита Бахарева, г. Москва, Россия.....	96
ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРНИР имени ИГОРЯ ЦАРЁВА «ПТИЦА – 2018»	99
Марк Шехтман, г. Иерусалим, Израиль.....	99
Юлия Резина, г. Нью-Йорк, США.....	103
Сергей Пагын, г. Единцы, Молдова	105
Наталия Прилепо, г. Тольятти, Россия	107
ПРИЗ СИМПАТИИ «ПЯТОЙ СТИХИИ» участнику «ПТИЦЫ-18»	110
Севрюгина Елена, г. Мытищи, Московская обл., Россия	110
КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ – 2018». Детское творчество	114
Микаэла Максимова, 7 лет, г. Брянск	115
Заозерская Вероника, 12 лет, Мурманская обл., г. Мончегорск	115
Рыжих Никита, 17 лет, Украина	116
Подгорнова Анна, 9 лет, г. Тольятти	116

Выговский Илья, 12 лет, г. Владивосток	117
Чеботаева Светлана, 13 лет, г. Иркутск	117
Карина Пак, 10 лет, г. Бишкек, Кыргызская Республика.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	118
ОГЛАВЛЕНИЕ	119

География конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (сезон 2018)

Российская Федерация

Карелия - Петрозаводск
Крым - Симферополь
Татарстан - Казань
Удмуртия - Ижевск, Сарапул, Новый,
Балезино
Якутия - Якутск

Алтайский край - Барнаул
Приморский край - Владивосток
Ставропольский край - Ессентуки
Хабаровский край - Хабаровск

Брянская область – Унеча; **Вологодская область** - Волжский ; **Воронежская область** - Воронеж;
Ивановская область - Иваново; **Иркутская область** - Иркутск; **Курская область** - Курск;
Калужская область – Калуга; **Москва и Московская область** - Москва, Балашиха, Воскресенск,
Коломна, Красногорск, Мытищи, Ногинск, Фрязино, Хотьково; **Нижегородская область** -
Богородск, Воскресенское; **Новгородская область** - Великий Новгород; **Новосибирская область** -
Новосибирск; **Омская область** - Омск; **Ростовская область** - Ростов-на-Дону; **Самарская
область** - Самара, Клявлино; **Санкт-Петербург** - Санкт-Петербург; **Саратовская область** –
Ртищево; **Свердловская область** - Екатеринбург, Ирбит, Тавда; **Смоленская область** - Смоленск;
Тверская область – Тверь; **Томская область** – Томск; **Челябинская область** – Магнитогорск,
Верхний Уфалей; **Ярославская область** – Ярославль.

Ближнее Зарубежье

Беларусь - Минск, Бобруйск, Витебск, Гродно
Казахстан - Алматы, Караганда, Актобе
Латвия - Рига
Узбекистан - Ташкент
Украина - Киев, Одесса, Бердянск, Винница,
Днепр, Запорожье, Каменец-Подольский,
Кропивницкий, Николаев, Новая Каховка,
Черкассы, Константиновка Донецкой области,
Сватово Луганской области
Эстония - Таллин

Дальнее Зарубежье

Германия - Гамбург, Ам-Банхоф
Израиль - Ашкелон, Беэр-Шева,
Ришон-ле-Цион
Индонезия - Джакарта
Нидерланды - Зейст
Новая Зеландия - Краков
Норвегия - Ставангер
Чехия - Прага
Финляндия - Хельсинки

